

ВОСПОМИНАНІЯ А. К. ЛЕЛОНГЪ

II.

Юность, жизнь въ Москвѣ и мое воспитаніе.

Путешествіе въ Москву въ половинѣ 50-хъ годовъ было далеко не то что теперь.—На своихъ лошадяхъ приходилось ѣхать до Москвы около 3-хъ дней.—Выѣхали мы изъ Карцева 29-го Декабря и въ первый день доѣхали только до Коломны, остановились въ гостинницѣ, здѣсь послали за ямщикомъ, а нашего кучера съ лошадьми отправили обратно въ Карцево. Дорога до Коломны, помню, была очень пріятна, стоялъ небольшой морозъ, окна въ возкѣ были открыты и ѣхали почти до Коломны боромъ, который съ обѣихъ сторонъ окружалъ шоссе. Громадныя елки, покрытыя инеемъ, освѣщенные солнцемъ, были какъ бы покрыты серебромъ и драгоценными камнями. Лѣсъ имѣлъ чудный сказочный видъ, онъ мнѣ казался безконечнымъ, припоминались всѣ рассказы о разбойникахъ, которые по ночамъ грабили обозы въ этомъ самомъ лѣсу.

Къ Коломнѣ подѣхали уже къ вечеру. Меня въ гостинницѣ, напоивши чаемъ, уложили спать. Утромъ разбудили очень рано, съ огнемъ пили чай и завтракали вкусными горячими коломенскими калачами. Явился ямщикъ, запрягъ своихъ лошадей въ нашъ возокъ и еще задолго до разсвѣта отправились въ путь. Ѣхать было холодно, скучно, кругомъ темно, окна закрыты, мнѣ хотѣлось спать, вспомнилась теплая постелька въ Карцевѣ, моя милая тетя, съ которой жила я въ одной комнатѣ, маленькой, теплой, уютной, освѣщенной лампадкой, горѣвшей на полочкѣ съ образами, и мнѣ страшно захотѣлось опять вернуться домой въ Карцево; съ этой думой я заснула; проснувшись, нашла

Отца и мать, дремавшими по угламъ возка, старалась чѣмъ нибудь себя занять, нашла въ моей дорожной сумочкѣ книгу „Другъ дѣтей“ и очень ей обрадовалась. Ъхали мы, какъ мнѣ казалось, очень долго, наконецъ, пріѣхали въ большое село Старники, гдѣ должны были кормить лошадей. Остановились на постояломъ дворѣ въ просторной теплой избѣ.

Намъ подали огромный самоваръ, ямщикъ принесъ изъ возка нашъ „погребецъ“, въ немъ была чайная посуда и баночка съ вареньемъ. Принесли также кулекъ съ провизіей, купленной въ Коломнѣ. Пробыли мы на постояломъ дворѣ часа 4, и поѣхали дальше. Въ сумерки пріѣхали въ село Островцы; это уже была послѣдняя остановка передъ Москвой. Въ этомъ селѣ всѣ жители были старообрядцы, или какъ сами говорили,—жили по старой вѣрѣ. Намъ отвели большую „горницу“ съ уговоромъ не курить табакъ; въ этой комнатѣ въ углу стояли большія старыя темныя иконы; по стѣнамъ висѣли старыя картины священнаго содержанія; въ комнатѣ пахло ладаномъ и какими то душистыми сухими травами; вездѣ было очень чисто и какъ то все проникнуто особымъ строгимъ благочестіемъ; здѣсь какъ то даже громко говорить не хотѣлось... Такое впечатлѣніе эта обстановка производила на меня. Спала я эту ночь очень мало: все думала о томъ, что наконецъ завтра увижу Москву, даже не вѣрилось, что настанетъ такое счастье, и я увижу Столицу, о которой такъ много читала и такъ давно мечтала.—Рано утромъ,—еще было темно,—намъ принесли самоваръ, который хозяева старообрядцы держали только для пріѣзжихъ постояльцевъ и сами чай не пили, считая чай такимъ же грѣховнымъ зельемъ, какъ и табакъ.—Помню, за чаемъ мать убѣждала старика хозяина, что чай пить не грѣхъ, и что въ Зарайскѣ, старики, живущіе строго по старой вѣрѣ, уже начали пить чай. Старикъ хозяинъ, съ длинной бѣлой бородой, напоминавшій мнѣ образы библейскихъ патріарховъ, отвѣчалъ матери, что очень можетъ быть и всѣ они будутъ пить чай, такъ какъ у чая и „духъ“ пріятный и отъ него ничего дурного въ человѣкѣ не остается, но „табачное зелье“,—отъ того всѣ внутренности становятся черными и на томъ свѣтѣ вся ихъ копоть видна будетъ, и горе имъ тогда отъ этого зелья будетъ.—Эти слова произнесены были грознымъ голосомъ, такъ что я мысленно благодарила Бога, что у насъ дома никто не куритъ табакъ.—Вошелъ ямщикъ и сказалъ, что сейчасъ будетъ запрягать. Въ комнату вошли двѣ прелестныя женщины, одна дочь старика, а другая жена его сына, обѣ были совершенно одинаково одѣты въ синіе „кубовые“ сарафаны и бѣлыя чистыя полотняныя рубашки, собственнаго издѣлія, они помо-

гли намъ уложить наши вещи въ возокъ; мать и отецъ ласково со всѣми простились, и мы на разсвѣтѣ отправились въ путь.—День былъ ясный, солнечный, морозный. Мать и отецъ разсматривали свои записки, толковали о томъ, что надо купить и у кого побывать въ Москвѣ, гдѣ зимой проживали многіе изъ нашихъ знакомыхъ помѣщиковъ. Ъхали мы медленно, какъ мнѣ казалось, дорога была плохая, ухабистая.

И вотъ наконецъ, передъ заходомъ солнца, мать, сидѣвшая всю дорогу у окна въ возкѣ сказала намъ: „Вотъ и Москва видна“.—Я кинулась къ окну, забывая мой вѣчный страхъ передъ матерью, та посторонилась и я заняла все окно. Увидѣла множество крестовъ церквей, блестящихъ на солнцѣ, безконечное множество крышъ домовъ, все это занимало необъятное пространство до самаго горизонта. Мы, подѣхавши къ заставѣ по Рязанскому шоссе, въѣзжали, кажется, въ Рогожскую заставу, тутъ мы остановились, отецъ далъ ямщику какую то бумагу, сказавши: „вотъ возьми подорожную, заплати, распишись“. Вынулъ изъ бумажника какую то ассигнацію и отдалъ тоже ямщику. Мы долго стояли у заставы, такъ какъ кромѣ насъ было очень много въѣзжающихъ въ городъ, а экипажи пропускали по очереди.—Въ самый городъ мы въѣхали, когда было уже почти совсѣмъ темно. Ямщику приказано было ѣхать на Басманную, въ Гороховъ переулокъ къ дому крестной матери Анны Васильевны Звягиной, жившей по зимамъ въ Москвѣ, для воспитанія своего единственнаго сына Коли. Съ нимъ я всегда была очень дружна, выдаюсь часто въ ихъ имѣніи Гремячевѣ, которое мной описано въ началѣ моихъ записокъ*), а также крестная съ сыномъ часто гостила у насъ въ Карцевѣ. Крестная моя, Анна Васильевна Звягина, урожденная Селиванова, была очень дружна съ моей матерью съ самаго дѣтства. Она осталась сиротой послѣ смерти матери совсѣмъ крошкой, двухъ лѣтъ. Вся ихъ семья жила постоянно въ Любовѣ, недалеко отъ Карцева, и молодыя дѣвушки, моя мать и крестная, почти постоянно были вмѣстѣ. Мать была старше Анны Васильевны, но это не мѣшало ихъ дружбѣ, такъ какъ крестная въ 12 лѣтъ смотрѣла совсѣмъ взрослой развитой дѣвицей; онѣ съ матерью были совершенно разнаго характера, часто спорили и побѣждала въ спорѣ всегда моя крестная. Съ матерью она была дружна и до брака, и послѣ; онѣ, кажется, и замужъ вышли въ одинъ годъ. Мою милую тетю, Александру Павловну, Анна Васильевна цѣнила и любила безконечно, я помню, что она говорила о ней такъ: „по-

*) Русскій Архивъ, 1913 г., II, стр. 52.

добной женщины, какъ твоя⁴ сестра, нѣтъ другой на свѣтѣ; ты самый счастливый человекъ, Людмила, имѣя около себя такое сокровище, вѣдь у нее все только для васъ, и никогда она ничего не желаетъ для себя. Она вся любовь, кротость и доброта“.—Семья Звягиныхъ въ моихъ воспоминаніяхъ очень близка къ моей семьѣ. И вотъ, въ сумерки зимняго дня мы подѣхали къ собственному дому Анны Васильевны Звягиной, находившемуся, какъ я сказала выше, на Старой Басманной улицѣ, въ Гороховомъ переулкѣ, недалеко отъ церкви Никиты Мученика. Намъ отворилъ ворота Гремячевскій Василій, который здѣсь былъ и кучеромъ, и дворникомъ вмѣстѣ. Лицо его засіяло веселой улыбкой при видѣ деревенскихъ знакомыхъ.—Насъ здѣсь уже ждали, такъ какъ мать и отецъ писали, что наконецъ собрались исполнить свое давнишнее обѣщаніе, погостить у крестной въ Москвѣ.

Встрѣча была самая радушная, радостная. Насъ провели въ прекрасную большую уютную комнату, которую всегда, когда пріѣзжалъ, занималъ мужъ моей крестной Николай Ипполитовичъ Звягинъ на этотъ годъ онъ на Святкахъ почему-то не могъ пріѣхать, у него были какія то дѣла въ деревнѣ.—Въ эту комнату внесли наши вещи и крестная просила устраиваться, какъ дома. Коля прибѣжалъ сюда же съ нами. Онъ тормозилъ и поворачивалъ меня во всѣ стороны. Я, въ моихъ теплыхъ мѣховыхъ сапогахъ, въ капорѣ съ мѣховой опушкой, закутанная поверхъ шубы сѣрымъ платкомъ, казалась ему очень забавной. „Смотри мама,—кричалъ онъ,—на что она похожа, вѣдь она настоящая эскимоска!—прелесть, какъ похожа, хоть сейчасъ ее покажемъ, какъ живую картинку“. Мнѣ было и стыдно, и весело, я чувствовала, что Коля мнѣ радъ и что мнѣ съ нимъ въ Москвѣ будетъ такъ же весело, какъ и въ деревнѣ.—„Оставь ты Анюту въ покоѣ, успѣете еще наговориться вдоволь, а теперь поди и скажи, чтобы скорѣе въ столовой готовили самоваръ и несли, что есть, покушать нашимъ дорогимъ гостямъ.“—Съ меня сняли мои дорожныя одежды, на ноги я надѣла кожанныя ботинки, въ которыхъ едва могла ходить по паркету. Все въ домѣ крестной поражало меня невиданной до этого городской обстановкой, которая у Звягиныхъ хотя и была очень скромная, но все же совсѣмъ не похожая на то, что я привыкла видѣть въ деревенскихъ домахъ.

Все поражало меня, и кружевные шторы, которыхъ я тогда въ деревнѣ еще не видала, и мебель обитая трипомъ, а, главное, паркетный полъ, состоящій изъ красивыхъ кусочковъ, блестящій и скользкій какъ ледъ, по которому мнѣ было очень трудно идти въ моихъ новыхъ „козловыхъ“

ботинкахъ. Въ столовой, куда мы пришли, кромѣ Коли и крестной сидѣли за столомъ Алефтина Васильевна, воспитанница Звягиныхъ. о которой я говорила раньше въ моихъ запискахъ, она только что вышла замужъ за студента шведа Бьерклюдъ, который пріѣхалъ изъ Гельсингфорса въ Россію для изученія Русскаго языка, жилъ на квартирѣ у Звягиныхъ. По окончаніи изученія Русскаго языка (на которомъ онъ и до конца жизни говорилъ довольно плохо), поступилъ въ Московскій Университетъ, на медицинскій факультетъ.—Женился на Алефтинѣ Васильевнѣ Исаковой, и больше уже на родину въ Финляндію не возвращался.—Рядомъ съ Бьерклюдъ сидѣлъ учитель Коли (въ это время уже репетиторъ, такъ какъ Коля учился во 2-й Классической гимназіи; тогда реальныхъ училищъ не было), этого учителя мы всѣ знали раньше въ Гремячевѣ, онъ былъ сынъ смотрителя Зарайскаго Городскаго Училища, звали его Иванъ Николаевичъ Екимецкій. Его крестная очень любила и считала настоящимъ своимъ другомъ; послѣ, много лѣтъ спустя, я слышала отъ Маріи Дмитріевны Селивановой, что между Екимецкимъ и крестной было нѣчто, гораздо болѣе сердечное, чѣмъ дружба, но думаю, что это была фантазія Маріи Дмитріевны, которая во всѣхъ отношеніяхъ видѣла романы и любовь.

Екимецкій былъ уже на 5-мъ курсѣ медицинскаго факультета и было рѣшено, что въ Мартъ онъ, получивши званіе врача, уѣдетъ въ дѣйствующую армію въ Крымъ.—Около Коли сидѣли его товарищи, мальчишки приблизительно его лѣтъ. Эти мальчишки были знакомые лично Колины, такъ какъ крестная съ ихъ семействами не была знакома, да и, кажется, они были нездѣшніе, не Московскіе, кромѣ одного Юркинскаго, товарища Коли по гимназіи, блѣднаго болѣзненнаго юноши, изъ очень бѣдной семьи. Два же другихъ мальчишка были одинъ изъ Межевого Института, Витя Горскій, другой кадетъ, Женья Марковъ. Коли своимъ друзьямъ рекомендовалъ меня такъ: „Вотъ познакомтесь съ новымъ нашимъ товарищемъ, Ниночкой (Коля звалъ меня Ниной, какъ меня звали дома и всѣ наши знакомые, одна крестная не звала меня такъ, а звала Анютой), она хотя и дѣвочка,—продолжалъ Коля,—но будетъ настоящимъ товарищемъ, и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ будетъ намъ полезна. Теперь она настоящая дикарка, пріѣхавшая съ Алеутскихъ острововъ. Мы должны будемъ познакомить ее со всѣми Московскими диковинками и показать ей все, что есть здѣсь замѣчательнаго“.

Мальчишки на Колину рѣчь ничего не отвѣтили, а смотрѣли на меня какъ на дѣйствительную дикарку съ Алеутскихъ острововъ.—

Послѣ чая Коля непременно хотѣлъ меня прокатить по Москвѣ. „Позволь, мама, запречь лошадь и мы поѣдемъ съ Ниночкой куда нибудь, вѣдь она никогда не видала освѣщенныхъ улицъ ночью“. „Я очень рада, что ты хочешь повеселить Анюту; я думаю ты, Людмила, позволишь ей эту прогулку“. Мать сказала, что она совершенно отказывается руководить мною и отдаетъ меня совсѣмъ на попеченіе крестной.— „Но только ты поѣдешь одинъ съ Анютой, а мальчики останутся на этотъ разъ дома, съ вами поѣдетъ Анисья (старшая прислуга и экономка въ домѣ крестной), такъ какъ Анюта первый разъ въ городѣ, и я ее одну съ дѣтьми не пущу“.

Лошадь скоро была запряжена, я опять надѣла мой капоръ, обшитый мѣхомъ, клѣчатую фланелевую шубку на сѣромъ мѣху и теплые мѣховые сапоги. Коля подвелъ меня къ большому зеркалу и сказалъ: „посмотри, на кого ты похожа.“ Я посмотрѣла на себя, и сама себѣ показалась такъ смѣшна, что со смѣхомъ отвѣчала: „мнѣ кажется, я похожа на чучело, что ставятъ лѣтомъ на огородахъ“.—Долго мы оба смѣялись и Коля сказалъ: „ну вотъ ты и молодець—хотя и чучело, а прехорошее. Ну, мать,—сказалъ онъ, обращаясь къ своей матери,—сегодня уже дѣлать нечего, она поѣдетъ такъ какъ есть, но завтра ты ей купи все, что надо, чтобы она была одѣта, какъ всѣ въ городѣ.“—Моя мать на это сказала, „да, мой другъ, завтра я тебѣ дамъ деньги и попрошу тебя обмундировать Нину, какъ нужно для города, вѣдь ей здѣсь придется все-таки долго прожить.“—Эти слова меня немного удивили, но я о нихъ скоро забыла, лошадь была готова и мы трое—я, Коля и Анисья—помчались по городу. На Тверскую къ „Трамблѣ“ крикнулъ Коля,—объяснивъ мнѣ, что это первая кондитерская во всей Москвѣ. Со мной было 20 коп. денегъ, я привезла съ собою около рубля и считала себя очень богатой.—Видѣ освѣщенныхъ улицъ и магазиновъ приводилъ меня въ неописанный восторгъ. Коля мнѣ что то толковалъ, но я ничего не слушала.—Тамъ я была прямо очарована всѣмъ, видѣннымъ мною, красота магазина-кондитерской—торты, бонбоньерки, коробки, конфеты, на все это у меня такъ разбѣжались глаза, что я долго не могла придти въ себя, наконецъ, мой выборъ палъ, по совѣту Анисьи, на коробочку „монпасье“. Коробочка была бѣлая бумажная, очень красивая на мои глаза, и конфеты въ видѣ крупнаго зеленого винограда, совершенно прозрачныя и очень ароматичныя, имѣли запахъ ананаса, я теперь такого монпасье уже нигдѣ не вижу. Возвратившись домой, мы скоро поужинали и разошлись по своимъ комнатамъ.

Мать и отецъ помѣстились за ширмами, а мнѣ приготовили постель на диванѣ. Я, оставшись, наконецъ, совершенно одна, вспомнила

тетю, Настю, няню, мнѣ захотѣлось обо всемъ поговорить съ ними, все имъ рассказать. Съ матерью я не умѣла говорить, и ничего ей никогда не рассказывала, она въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ не обращала на насъ никакого вниманія и ея любовь всецѣло принадлежала отцу, она знала, что о насъ есть кому заботиться.—И вотъ я, лежа на моемъ диванчикѣ въ Москвѣ, куда я такъ стремилась, вспомнила Карцево, вспомнила мою комнатку, наверху вмѣстѣ съ тетей,—какъ, думала я, ей грустно теперь смотрѣть на мою пустую кровать.—А Настя,—какія у нее будутъ скучныя Святки безъ меня, вѣдь я, какъ старшая всегда придумывала всѣ игры, забавы, и мнѣ стало такъ скучно—до слезъ, и вспомнилась фраза матери,—почему это она сказала: „Ей, вѣдь придется здѣсь порядочно прожить“. Что это значило? Неужели мы уже такъ долго будемъ гостить здѣсь? Да, какъ видно, намъ здѣсь всѣ рады и, пожалуй, долго не пустятъ домой. Вотъ съ какими мыслями я заснула первую ночь въ Москвѣ, о которой я такъ долго мечтала.—На утро, проснувшись, я опять чувствовала себя счастливой мыслью, что я, наконецъ, въ Москвѣ. За чаемъ было рѣшено, что мы теперь же утромъ, поѣдемъ въ Кремль и мнѣ купить кое-что нужное для города. Вотъ я, съ крестной матерью и Колей отправились путешествовать по Москвѣ. Сначала, по настоянію Коли, заѣхали въ магазинъ готоваго платья, тамъ мнѣ купили шубку сѣраго сукна съ барашковымъ воротникомъ; фасонъ ея имѣлъ видъ солдатской шинели, съ такимъ же клапаномъ сзади, какъ бываетъ на военныхъ шинеляхъ. Назывались такія пальто „патріотками“—ихъ носили всѣ и дѣти, и взрослые во все время войны, другого фасона шубокъ на ватѣ въ магазинѣ почти не было, тутъ рядомъ мнѣ купили шапочку „боярку“, съ мѣховымъ околышемъ и бархатной сѣткой сзади, такія шапки тоже носили и дѣти, и взрослые, и на моей уже очень пожилой крестной была такая же шапка. Коля былъ очень доволенъ перемѣной моего костюма. „Ну, сказалъ онъ, слава Богу, ты стала такая же дѣвочка, какъ и всѣ другія въ Москвѣ“. Деревенскій же мой нарядъ уложили во взятую въ магазинѣ коробку, и Коля самъ запряталъ ее подъ козла саней, говоря: „Ну, шкурка Золушки, лежи здѣсь до пріѣзда въ Карцево“.—Изъ лавокъ мы поѣхали въ Кремль.

Крестная мать приказала кучеру ѣхать потише и указывала мнѣ на старинные историческіе памятники. У Иверской мы зашли въ часовню, приложились къ иконѣ Божіей Матери. Крестная была большая мастерица рассказывать и, такъ какъ она была страшная патріотка, все родное ей было дорого, то всѣ памятники старины она описывала намъ въ яркихъ живыхъ краскахъ,—передъ нами проходила вся Рус-

ская исторія. Около памятника Минина и Пожарскаго мы вышли изъ саней и крестная, смотря на нихъ со слезами на глазахъ, говорила: „Вотъ это настоящіе русскіе люди, теперь уже нѣтъ такихъ; опять идетъ война и опять льется наша Русская кровь за родину, извѣстія съ войны все печальнѣе день ото дня, а все отъ того, что тогда вся Матушка Русь была, какъ одинъ человѣкъ, все послѣднее отдавала за спасеніе родины; а теперь нѣтъ больше такихъ людей. Любите, дѣти, родину и молитесь теперь за нее, ваша дѣтская молитва скорѣе нашей грѣшной дойдетъ къ Богу“. Она долго говорила намъ о томъ, что мы увидимъ въ Кремлѣ. Напомнила намъ исторію Св. Алексѣя, какъ его молитвой исцѣлена была жена татарскаго хана; что земля, на которой стоитъ монастырь, пожертвована ханомъ для постройки монастыря, который поэтому и названъ „Чудовымъ Монастыремъ“, такъ какъ на этомъ мѣстѣ было чудо исцѣленія.—Говорила намъ про Филиппа Митрополита, который не боялся говорить правду Грозному Царю, и умеръ за эту правду мученической смертью. Мы подъ впечатлѣніемъ словъ дорогой моей крестной, молча вѣхали въ Кремль; я съ чувствомъ религіознаго и строгаго восторга вошла въ Успенскій Соборъ, никогда я этого чувства не забуду, и до сихъ поръ я съ такимъ же почти чувствомъ бываю всегда въ Кремлѣ.

Приложившись къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, мы осматривали Царскія мѣста и всѣ другія достопримѣчательности храма.— Въ Архангельскомъ Соборѣ осматривали гробницы царей. Страшно и жутко показалось мнѣ въ придѣлѣ, гдѣ стоятъ гробницы Ивана Грознаго съ его сыновьями. Коля показалъ мнѣ маленькую гробницу Димитрія Царевича, обратилъ мое вниманіе на его дѣтское платьице, висящее сзади гробницы. Здѣсь мнѣ указывалъ Коля, мать шла молча, находясь въ печальномъ настроеніи духа; ей уже не хотѣлось говорить больше, и она сказала Колѣ: „пойди съ Анютой, покажи ей все, я посижу и отдохну немного“.—Мы долго разсматривали гробницы; читали надписи, припоминали, что знали достопамятнаго изъ жизни умершихъ царей. Крестная отдохнула, и мы зашли на минуту въ Благовѣщенскій Соборъ, посмотрѣли на Царь-Колоколъ, на Царь-Пушку, но они на меня, послѣ всего видѣннаго, не произвели никакого впечатлѣнія.— На возвратномъ пути крестная была такая же веселая и добрая, какъ и всегда.

Мы завѣжали въ булочныя, закупили пирожныя, и въ гастрономическомъ магазинѣ накупили разныхъ закусокъ; моя милая крестная была большая хлѣбосолка и любила всѣхъ покормить и побаловать,—

Пріѣхавши домой, Анисья сказала намъ, что мой отецъ и мать еще не возвращались; они сказали, что поѣдутъ къ Морсочниковымъ, которые зимой жили въ Москвѣ; имѣніе ихъ, село Татарское, было въ Михайловскомъ уѣздѣ, но они имѣли небольшое имѣніе и у насъ въ Карцевѣ, рядомъ съ имѣніемъ Мельгунова, которое онъ получилъ отъ ихъ же родной тетки, дѣвицы Рогозиной. Морсочниковымъ принадлежала другая часть этого имѣнія, доставшаяся имъ отъ тетки родной сестры Рогозиной.—Эта семья бывала у насъ въ Карцевѣ, и мы ѣздили къ нимъ въ Михайловскій уѣздъ.—Мать и отецъ были дружны съ ними. Насъ встрѣтилъ Иванъ Николаевичъ Екимецкій. Крестная мать сейчасъ стала ему передавать всѣ подробности нашего путешествія и прибавила въ концѣ разсказа: „я рада, что мнѣ самой пришлось показать Анютѣ самую дорогія мѣста Москвы, я видѣла, какое хорошее впечатлѣніе произвелъ на нее Кремль. Я вижу, что дѣвочка такъ же будетъ любить родину и будетъ такая же православная Русская, какъ мы всѣ... Да вѣдь сегодня уже 30-е Декабря, идите скорѣе берите ложу, въ Большомъ театрѣ идетъ „Аскольдова Могила“... Вы уже поѣдете съ мальчиками и Анютой, да заѣзжайте за Алефтиной, она съ Вами пріѣдетъ обѣдать къ намъ съ мужемъ, а вечеромъ, если захочетъ, можетъ быть, и въ театрѣ съ вами поѣдетъ.“

Милая дорогая крестная всегда была весела, окружена дѣтьми, молодежью, ея безконечная доброта во всѣхъ видѣла только одно хорошее. Если даже кто изъ ея любимцевъ дѣтей и юношей совершалъ какой нибудь неблаговидный поступокъ, она и тогда всегда находила какое нибудь оправданіе, и съ такими взглядами она жила до старости а въ концѣ жизни ея семья, ея дорогой единственный сынъ, а потомъ и она, всѣ трагически погибли отъ руки ея же спасеннаго отъ гибели юноши. Если мнѣ приведется довести мои записки до кончины моей дорогой крестной, то тогда я разскажу, какъ все это случилось, а теперь не хочется забѣгать такъ далеко впередъ. Пріѣхавши отъ Морсочниковыхъ, мать и отецъ говорили, что Елизавета Ивановна и барышни (ея дочери), Вариньга, Оля и даже крошка Агнюша, всѣ упросили, чтобы меня привезли къ нимъ и чтобы я осталась гостить въ ихъ домѣ, на что мои родители изъявили свое согласіе. Крестная сказала, что все это можно будетъ уладить потомъ, а что теперь я еще едва успѣла пріѣхать, и Святки должна погостить у нее, и что ни она, ни Коля меня не отпустятъ. За обѣдомъ, къ которому пришли и Алефтина Васильевна съ мужемъ, все толковали о войнѣ, которая шла неудачно, бранили начальниковъ сожалѣли Государя, на котораго эта неудача такъ тяжело дѣйствуетъ, что онъ страшно из-

мѣнился, и наружно, и нравственно. Говорили о какихъ то страшныхъ предзнаменованіяхъ на предстоящій 1855-й годъ. Говорили о Закревскомъ, бывшемъ тогда Генераль-Губернаторомъ въ Москвѣ, о его дочери Графинѣ Ростопчиной, — что она измѣнница, вся предалась интересамъ Тальмы, — что ведетъ развратную жизнь, — что отецъ безхарактерный и что дочь дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, — что отъ отца и дочери много зла въ Россіи. Вездѣ, говорили — воровство, взяточничество, казну грабятъ со всѣхъ сторонъ.

Весь этотъ разговоръ крестная закончила словами: „Ахъ если бы я только могла добраться до Батюшки Царя, все бы ему рассказала. а то вѣдь около него все негодяи, враги Царства“. Послѣ обѣда мы, дѣти, ушли въ комнату Коли и стали читать оперу „Аскольдова Могила“, которую вечеромъ намъ предстояло видѣть въ театрѣ. — Въ половинѣ 7-го вечера насъ нарядили, я надѣла мое самое лучшее платье — розовое кисейное съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, ноги мои были обуты въ тоненькія узорчатые чулки и прелестные новые прюнелевые ботинки. съ лакированными носками. Я помню тутъ же подумала, что моя милая тетя Александра Павловна пришла бы въ отчаяніе, что меня зимой такъ нарядили и въ одной шубкѣ повезли въ театрѣ. Мать сама не боялась холода, и всегда была противъ того, чтобы насъ кутали. — Привели намъ трехъ извозчиковъ и мы усѣлись такъ: я сѣла съ Алефтиной Васильевной, съ нами сѣлъ Женья Марковъ, на вторыхъ саяхъ Коля, Горской и Юркинскій. Впереди всѣхъ ѣхалъ Иванъ Николаевичъ съ мужемъ Алефтины Васильевны, Эргардомъ Карловичемъ Бьерклюдъ, у нихъ былъ и билетъ на ложу. На подъѣздѣ театра Иванъ Николаевичъ насъ встрѣтилъ, и мы всѣ торопливо стали подниматься наверхъ. Я была совершенно ошеломлена толпой, свѣтомъ, грандіозностью зданія и общимъ движеніемъ. Наконецъ, мы достигли нашего корридора, раздѣлись и вошли въ ложу. Насъ дѣтей посадили впереди, я, Коля, Женья Марковъ и Юркинскій сѣли около барьера, а остальные помѣстились, уже не знаю какъ, сзади.

Все меня восхищало, и ложи съ нарядными людьми — и партеръ. гдѣ волновалось цѣлое море головъ всѣхъ возрастовъ, — все мнѣ казалось сказочно-прекраснымъ: — и свѣтъ какой-то особенно пріятный, и запахъ разныхъ духовъ. Коля далъ мнѣ бинокль и, указавъ на занавѣсъ, сказалъ, что туда надо смотрѣть, что тамъ будетъ идти представленіе. Въ бинокль я ничего не увидала и отдала его обратно; но вдругъ полились чудные, никогда мною не слыханные звуки музыки, — оркестръ игралъ увертюру передъ началомъ спектакля. Въ первую

минуту мнѣ стало какъ будто страшно, я испугалась,—но скоро пришла въ себя и съ наслажденіемъ стала слушать. При поднятіи занавѣса не было границъ моему восторгу и очарованію, я вся словно окаменѣла отъ изумленія и восхищенія. Вижу рѣку—и рѣка настоящая!—вижу волны, слышу плескъ воды отъ удара веселъ и т. д.—все настоящее, живое! Коля—что то мнѣ нашептывалъ объ игрѣ, объ авторахъ, называлъ имена, фамиліи, но я ничего не слыхала, сидѣла, какъ заколдованная всѣмъ видѣннымъ.

Въ антрактахъ крестной было поручено насъ угощать разными лакомствами, пирожнымъ, закусками, но, несмотря на всѣ просьбы Алефины Васильевны, ничего я не хотѣла ѣсть и ни за что не хотѣла встать съ своего мѣста. Приѣхали домой по окончаніи спектакля, дома насъ ждали съ чаемъ и ужиномъ,—Коля рассказывалъ всѣмъ, какъ я была очарована всѣмъ видѣннымъ мною. Я же сама почти ничего не говорила, передъ моими глазами все еще какъ бы проходили видѣнныя мною чудеса и въ ушахъ звучали пѣніе и музыка; ночь я то же почти не спала, очень уже много новыхъ впечатлѣній захватило меня послѣ однообразной, тихой, спокойной деревенской жизни. 31-го канунъ Новаго Года, мы провели дома, днемъ я съ Колей и мальчиками гуляла по Москвѣ, я уже съ ними совсѣмъ освоилась и подружилась, мнѣ въ ихъ обществѣ было весело и хорошо. Вечеромъ всѣ ходили ко всенощной въ церковь Никиты Мученика на Старой Басманной, тамъ у крестной былъ свой уголокъ, въ которомъ мы всегда съ ней стояли, это былъ первый разъ, какъ я была у службы въ городской церкви, слышала стройное пѣніе пѣвчихъ. Послѣ крестная мать всегда брала меня съ собою въ церковь къ ранней обѣднѣ въ праздники, и мнѣ теперь, когда бываю въ Москвѣ, хочется зайти въ церковь Никиты Мученика. Коля учился во второй гимназіи на Разгуляѣ, и мы съ нимъ послѣ всенощной пошли посмотрѣть, гдѣ онъ учится, ему хотѣлось показать мнѣ этотъ домъ; съ нами встрѣчалась масса катающихся на троечныхъ огромныхъ саняхъ. Изъ однихъ саней крикнули „мальчики какъ васъ зовутъ по имени?“ Коля имъ крикнулъ: „зимой Ѳомой, а лѣтомъ Филаретомъ“. Въ саняхъ раздался громкій смѣхъ, и мы смѣялись тоже всю дорогу. Дома за чаемъ вспоминали мать и крестная, какъ онѣ обѣ, бывши незамужемъ, весело проводили Новый Годъ въ Карцевѣ.—И мнѣ стало очень и очень грустно, что я этотъ день проведу безъ тети и Насти, такъ мнѣ стало ихъ жаль, что онѣ не съ нами здѣсь.

Въ 11 часовъ мы съѣли за ужиномъ. Къ намъ съѣхались знакомые крестной, одинокіе бѣдные люди, живущіе своимъ трудомъ. Послѣ

ужина пили шеколадъ и въ 12 часовъ всѣ поздравляли другъ друга съ Новымъ, 1855, годомъ. Это былъ первый годъ, который я встрѣтила не во снѣ. Утромъ мы съ крестной и матерью ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Никиты Мученика. Утромъ часовъ съ 11-ти стали къ Звягинымъ пріѣзжать визитеры, ихъ принимали въ гостиной, къ намъ въ столовую и диванную приходили только наши знакомые. Между ними былъ докторъ Александръ Павловичъ Расцвѣтовъ, впоследствии профессоръ, занимавшій довольно видное мѣсто въ Московскомъ университетѣ. Онъ былъ сынъ Дѣдиновскаго діакона, (это село Зарайскаго уѣзда находится въ 12-ти верстахъ отъ Карцева.) Онъ тутъ познакомился съ моими родителями, у нихъ оказалось много общихъ знакомыхъ. Расцвѣтовъ съ большой любовью и интересомъ спрашивалъ о Зарайской жизни, меня ему также тутъ представили и онъ тутъ же прозвалъ меня „барышней-землячкой“, и впоследствии, когда бы не пріѣзжалъ къ Звягинымъ, всегда ласково болталъ со мной. У Звягиныхъ онъ бывалъ часто, какъ знакомый и какъ ихъ постоянный докторъ, онъ лѣчилъ всѣхъ знакомыхъ крестной и былъ общимъ любимцемъ всѣхъ своихъ пацієнтовъ. Въ диванной Анисья приготовила на диванѣ спокойную постель, положила пуховикъ, подушки и сказала, что скоро пріѣдетъ Наталья Николаевна Селиванова, двоюродная сестра крестной, родная сестра Алексѣя Николаевича Селиванова, старая дѣвица, другъ моей милой крестной и любимица всѣхъ другихъ Селивановыхъ. Она, несмотря на свое цѣломудренное дѣвство, страдала какой-то неисцѣлимой женской болѣзнью и, по совѣту врачей, всегда должна была находиться въ лежачемъ положеніи. Пріѣхавши къ Звягинымъ, она сейчасъ же улеглась на приготовленную постель. Видъ она имѣла очень полной и здоровой женщины, была всегда весела и добродушна. Мы дѣти ее очень любили, у нея было множество интересныхъ разсказовъ. Она, когда жила въ Москвѣ, всѣ праздники проводила у Звягиныхъ, иногда гасивала по нѣскольку дней. была большая мастерица на всѣ женскія изящныя работы, я съ удовольствіемъ впоследствии выучилась у нея разнымъ рукодѣльямъ. Любила сидѣть на табуреточкѣ около ея постели, слушать ея разсказы и вязать, по ея указанію, разные поддоннички—коврики подъ лампы и подсвѣчники, вышивать по папѣ-посе разныя красивыя и ни на что ненужныя вещицы.

Какъ только она пріѣхала къ намъ, около нея усѣлся Александръ Павловичъ Расцвѣтовъ, ея постоянный докторъ, она съ восторгомъ поздравила его съ Новымъ годомъ и смотрѣла на него съ такимъ обожаніемъ, что даже меня дѣвочку это удивило, и передала ему свертокъ съ подаркомъ; онъ тутъ же развернулъ его,—это оказалась чудная

скатерть для гостинаго круглаго стола, связанная изъ дорогой берлинской шерсти по канвовымъ узорамъ. Кругомъ скатерти шла широкая кайма изъ цвѣтовъ и колосьевъ, исполненная такъ тонко и чисто, что имѣла видъ акварели,—фонъ былъ темно-сѣрый и яркія краски цвѣтовъ и колосьевъ рельефно на немъ выдѣлялись. Александръ Павловичъ вынесъ эту скатерть въ гостинную, откуда послышались восторженные отзывы и похвалы этой художественной работѣ. Наталья Николаевна была очень довольна фуроромъ, который произвела ея подарокъ. Она питала къ своему доктору самую восторженную платоническую любовь. Надъ этимъ ея чувствомъ любили пошутить и посмѣяться, особенно ея братецъ Алексѣй Николаевичъ, большой насмѣшникъ.—Обѣдали въ этотъ день поздно, часовъ въ 5. Крестная къ обѣду ждала всѣхъ своихъ братьевъ, которые въ эту зиму къ Святкамъ съѣхались въ Москву. У ея братьевъ, Павла Васильевича и Ильи Васильевича, были въ Москвѣ свои дома, а Василій Васильевичъ мѣсяца на два нанималъ въ Москвѣ квартиру.—Первыми пріѣхали къ обѣду Павелъ Васильевичъ съ Александрой Александровной. Моя милая Александра Александровна, наружность которой мнѣ всегда такъ нравилась, страшно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ея не видали, т. е. съ половины или начала Октября. Одѣта въ клѣчатую шелковую канаусовую съ чернымъ юбку и широкую бархатную кофточку, бѣлый большой вышитый гладью воротникъ былъ у ворота заколонъ пунсовымъ бантомъ изъ широкой ленты. Похудѣвшее лицо ея было покрыто свѣтло-коричневыми пятнами. Какъ всегда, увидя меня, ласково поговорила со мной, мнѣ было безконечно ее жаль. Поздравляя крестную съ новымъ годомъ, она заплакала. Крестная увела ее въ диванную и стала ее утѣшать, говоря: „милая Саша, молись нашимъ Московскимъ святымъ, Московскимъ чудотворцамъ, и будущій новорожденный твой ребенокъ принесетъ тебѣ радость и счастье“. „Боюсь я, боюсь, моя родная,—сказала Александра Александровна,—что и теперь родится такой же несчастный, какъ Валя съ Сережей.“

„Полно, Саша, успокойся, помни, что ты нужна и мужу и дѣтямъ, вѣдь вся твоя семья живетъ тобой, безъ тебя они всѣ пропадутъ.“ Помню, ей дала въ скляночкѣ чего-то понюхать, поцѣловала ее и они пошли опять въ гостинную. Пріѣхалъ Илья Васильевичъ съ дѣтьми, нашими сверстниками, сыномъ и дочерью. Соня была прехорошенькая бѣлокурая кудрявая дѣвочка, немного помоложе меня, Коля и Марковъ были очень дружны съ дѣтьми Селивановыхъ, особенно старались угодить Сонѣ. Митю Коля звалъ „иностранцемъ“, онъ, правда, мало былъ похожъ на нашихъ мальчиковъ—тоненькій, стройный, одѣтый

по послѣдней модной парижской картинкѣ. Семья Ильи Васильевича недавно только вернулась въ то время изъ-за границы, гдѣ Вѣра Фавстовна съ дѣтьми жила очень долго, съ ними былъ тамъ русскій учитель и русская прислуга. Вѣра Фавстовна уѣхала съ дѣтьми за границу, какъ и потомъ слышала, съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться къ мужу. Причиной тому была ревность. Вѣра Фавстовна страшно любила своего вѣтреннаго супруга, а онъ часто ей измѣнялъ и, наконецъ, она поймала его на мѣстѣ преступленія въ своемъ собственномъ домѣ, послѣ чего, забравши дѣтей, уѣхала за границу. Но моя крестная, любившая всѣхъ своихъ братьевъ, мучилась за нихъ, если въ чьей либо семьѣ было горе или ссора. И тутъ, благодаря ея вмѣшательству, супруги помирились. Анна Васильевна писала къ Вѣрѣ Фавстовнѣ за границу длинныя письма, оправдывая брата, умоляя жену простить мужу, писала, какъ страдаетъ Илья Васильевичъ въ разлукѣ съ семьей (кажется, это было не совсѣмъ вѣрно) и, наконецъ, ея хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Вѣра Фавстовна простила мужу и въ 1854 году осенью вернулась въ Москву, гдѣ Илья Васильевичъ занималъ очень видное мѣсто, кажется въ Уголовной Палатѣ (не знаю, навѣрно, было ли тогда такое учрежденіе и дѣйствительно ли оно носило такое названіе).

Между нимъ и его братьями было очень мало общаго: Илья Васильевичъ, свѣтскій, чиновникъ высшаго полета, тогда какъ братья его были настоящіе русскіе помѣщики, любившіе деревню во всѣхъ ея видахъ. Пріѣхалъ вскорѣ и Василій Васильевичъ одинъ, сказавши: „я къ вамъ прямо съ визитовъ, не сталъ ждать Машу, она собирается тоже скоро пріѣхать“. — „Ну, она скоро то не соберется, я знаю ея сборы, — сказала крестная, — мы подождемъ, а пока пойдемъ закусить до ея пріѣзда“. Закуска уже была подана въ столовой, гдѣ былъ накрытъ и столъ для обѣда. Закуска состояла изъ деревенской замаринованной и заливной птицы, сыра печеночнаго и маринованныхъ бѣлыхъ грибовъ, которые замѣчательно вкусно приготавливались въ Гремячевѣ. Всѣ ихъ очень хвалили, особенно Илья Васильевичъ, постоянный житель столицы. Наконецъ, пріѣхала и Марія Дмитріевна. Она, какъ бабочка, влетѣла въ гостиную, нарядная, въ какомъ то свѣтло голубомъ платѣ, обшитомъ кружевами, рюшемъ, съ полуоткрытымъ лифомъ, съ жемчугомъ на шеѣ и брилліантами въ ушахъ, кинулась всѣхъ цѣловать, поздравлять, извинялась, что заставила всѣхъ себя ждать, говорила какъ она торопилась, спѣшила. „Успокойся Маша, перестань суетиться, ты всѣхъ насъ затормошила. Ну теперь можно и къ столу идти, всѣ собрались мои родные, милые! Пойдемте, — супъ на столѣ.“ Обѣдъ былъ вкусный.

жирный, настоящій русскій барскій, были и гуси заливные, и индѣйки, откормленные орѣхами, и т. д. На столѣ стояло множество бутылокъ съ разными наливками. Передъ пирожнымъ была откупорена бутылка шампанскаго, пили за здоровье отсутствующихъ, за мою милую тетю, за Василя Павловича, моего крестнаго отца, за сидящихъ за столомъ Селивановыхъ, за Николая Ипполитовича Звягина и за отсутствующую Вѣру Фавстовну. Пожелавши ей здоровья, крестная прибавила: „Я рада, что она не прѣхала на мой обѣдъ, она привыкла къ французской кухнѣ и моя старинная русская стряпня ей была бы не по вкусу, да пожалуй и вредна“.

За обѣдомъ говорили, что эти Святки печальныя, никакихъ удовольствій кромѣ театровъ нѣтъ, да и съ театра войны извѣстія идутъ одно печальнѣе другого. Илья Васильевичъ, помню, сказалъ такъ: „Ну, сами заварили кашу, теперь за свое самодурство и приходится ее расхлебывать“.—Боже мой, что случилось съ моей крестной! Она вся красная, взволнованная, разсерженная, кинулась на брата: „Перестань богохульствовать, Илья, я не могу слышать, когда ты такъ говоришь;—эта война святая, идейная война; мы, славяне, стоимъ за своихъ единоплеменниковъ. Помоги, Господи, нашему Батюшкѣ Царю“.—„Да вѣдь и въ 48-мъ году тоже была идейная война, когда мы съ австрійцами вмѣстѣ колотили славянъ. Идея идеѣ рознь“. Тутъ уже крестная совсѣмъ вышла изъ себя и сказала: „Если ты, Илья, не замолчишь, то я сейчасъ выйду изъ за стола“.—„Ну, перестань волноваться, —сказалъ Илья Васильевичъ,—вся наша болтовня пустяки, мы, переживающіе настоящія событія, вѣрно о нихъ судить не можемъ, въ будущемъ все намъ покажетъ исторія. А вотъ, что важно: Закревскій недавно вернулся изъ Петербурга и привезъ опять печальныя извѣстія. Государь очень измѣнился, находится постоянно въ мрачномъ угнетенномъ состояніи духа, почти никого не принимаетъ.“—„Ахъ, Боже мой, какъ все это ужасно,—вскричала Марія Дмитріевна,—я обожаю нашего Государя и Государыню. Онъ часто бывалъ у насъ въ институтѣ, у меня хранится кусочекъ отъ его перчатки, которую онъ оставилъ намъ—мы изрѣзали ее на маленькіе кусочки—я берегу этотъ кусочекъ какъ святыню; и Великіе князья!—я ихъ обожаю, особенно Константина Николаевича: онъ такой красавчикъ, былъ онъ мнѣ ровесникъ по годамъ. Ахъ, эта противная, гадкая война! такъ она огорчаетъ Государя: я каждый день теперь особенно молюсь за него“.—Обѣдъ кончился. Послѣ обѣда всѣ пошли пить кофе въ диванную, гдѣ лежала Наталья Николаевна. Она была очень довольна, что всѣ опять собрались около нея. Вскорѣ Илья Васильевичъ съ дѣтьми уѣхалъ домой. Уѣзжая, онъ просилъ крестную,

чтобы она отпустила свою молодежь на слѣдующій день утромъ къ нимъ, потому что Вѣра Фавстовна для всѣхъ дѣтей взяла ложу на утренній спектакль, идетъ опера „Жизнь за Царя“. Илья Васильевичъ обратился и къ моей матери, прося ее и меня отпустить съ дѣтьми къ нимъ. Соня тоже стала просить, чтобы меня отпустили къ ней. Моя мать отвѣтила, что она передаетъ всѣ права на меня крестной, и что та навѣрное отпустить меня съ удовольствіемъ и тутъ же было рѣшено, что мы всѣ, дѣти, завтра съ утра пойдемъ къ Селивановымъ и проведемъ тамъ цѣлый день.—Вечеромъ приѣхала вся семья Морсочниковыхъ. Самъ отецъ Дмитрій Петровичъ, ветеранъ 12-го года (онъ юношей, 16-ти лѣтъ, потерялъ подъ Бородинымъ ногу) былъ еще бодрый красивый старикъ съ нафабранными усами, веселый, любившій молодежь, любилъ пошутить и посмѣяться съ нами дѣтьми; жена его Елизавета Ивановна, сверстница моей матери, такъ же, какъ и моя мать, любила поэзію и вообще была очень сантиментальна и нѣжна со всѣми. Такой она бывала въ обществѣ, но дома съ крѣпостными слугами была настоящей мегерой и мало чѣмъ уступала Простаковой изъ комедіи „Недоросль“ Фонъ-Визина. Дѣти ихъ, Варвара Дмитриевна, красавица, взрослая дѣвушка невѣста, которую родители всѣми силами старались выдать замужъ, (для этой цѣли они по зимамъ и въ Москву переѣзжали), вторая дочь Оля, прелестная 17-ти лѣтняя дѣвочка, моя большая пріятельница, несмотря на разницу лѣтъ, была веселая, умная; родители держали ее, какъ подростка и уменьшали ей года.—Съ ними былъ еще сынъ, взрослый кадетъ, Дмитрій, который въ этомъ году въ Мартѣ долженъ былъ быть произведенъ въ офицеры и идти на войну.

Въ этотъ вечеръ я узнала, что останусь въ Москвѣ и домой съ отцомъ и матерью не поѣду. Сначала мнѣ это сообщила Оля Морсочникова, думая, что мнѣ это извѣстно. Я расплакалась. Оля стала меня утѣшать, говоря, что зима пройдетъ незамѣтно, а весной мы вмѣстѣ поѣдемъ въ деревню. Когда меня увидала крестная и узнала, о чемъ я заплакала, рассердилась на мать, зачѣмъ такъ долго скрывали отъ меня, что я останусь учиться въ Москвѣ, и сказала:—„вѣдь я и не подозрѣвала, что Анютѣ не сказали что она останется здѣсь. а то бы я давно ей объ этомъ сказала. Мнѣ очень жаль Александру Павловну, ей ваше молчанье принесетъ гораздо больше горя, чѣмъ разлука съ Анютой. Она такъ умна, что вполне бы поняла, что дѣвчкѣ учиться надо, а что вы рѣшили это давно, не посоветовавшись съ ней, ей очень, конечно, будетъ обидно; ты сама знаешь, что она для твоихъ дѣтей, вѣдь она имъ ближе, чѣмъ ты. Надо какъ нибудь придумать,

чтобы она не страдала отъ вашей скрытности. Да, вотъ что,—скажите ей, что вы и не думали оставлять здѣсь Анюту, а что это я васъ уговорила и вы меня послушали. Да я сама ей все это напишу съ вами“.

На другой день утромъ, часовъ въ 10, насъ всѣхъ, т. е. Колю, меня, Маркова, Горского и Юркинскаго отправили къ Ильѣ Васильевичу Селиванову. Онъ съ семьей жилъ въ собственномъ домѣ на Цвѣтномъ бульварѣ. Вся ихъ обстановка поразила меня своимъ великолѣпіемъ, такой она мнѣ, деревенской дикаркѣ, показалась. Стѣны были почти во всѣхъ комнатахъ обиты трипомъ въ рамкахъ, окруженныхъ бронзовыми бордюрами, а остальные части стѣнъ за этой рамкой были выкрашены масляной краской, которая въ то время еще рѣдко употреблялась для окрашиванія стѣнъ. Потолки были украшены затѣйливыми лѣпными каймами и углами, въ залѣ и гостиной висѣли громадныя люстры, съ хрустальными подвѣсками. Насъ встрѣтили Соня и Митя, очень намъ обрадовались и повели къ своей матери, въ ея кабинетъ. Мать ихъ, Вѣра Фавстовна, была маленькая, худенькая женщина, съ желтовато-блѣднымъ лицомъ; миниатюрныя черты ея лица сохранили признаки увядшей красоты. Потомъ я узнала, гораздо, конечно, позднѣе, что Вѣра Фавстовна, послѣ рожденія Сони, страдала какой то неизлѣчимой женской болѣзнью и не могла имѣть больше дѣтей, что и было, кажется, причиной частыхъ семейныхъ ссоръ.

Въ кабинетѣ Вѣра Фавстовна была не одна, съ ней былъ ея братъ Дмитрій Фавстовичъ. Оба, видимо, насъ ждали и, поговоривши съ нами о нашихъ родныхъ, приказали запрячь карету, и съ Дмитриемъ Фавстовичемъ отправили насъ въ Большой Театръ на утренній спектакль; шла опера „Жизнь за Царя.“—Въ театрѣ было множество дѣтей, цѣлые ряды ложъ занимали институтки и кадеты. Я была поглощена всѣмъ, происходившимъ на сценѣ, мнѣ въ антрактахъ не хотѣлось ни ѣсть, ни болтать, какъ это дѣлали мои товарищи, привыкшіе уже къ такому, невиданному мною удовольствіямъ. Мнѣ все видѣнное на сценѣ казалось дѣйствительностью. Коля смѣялся надо мной, говоря: „Оставьте ее, ея тутъ нѣтъ, тутъ только осталось ея брeнная оболочка, а душа ея водворилась въ избѣ Сусанина и т. д.“, но я ни на что не обращала вниманія, мнѣ было досадно, что Коля все смѣялся и болталъ. Помню, въ антрактахъ пѣли гимнъ „Боже Царя храни,“ всѣ его слушали, стоя, и, такъ какъ въ то время—по случаю войны—патріотическія чувства были сильно возбуждены, то гимнъ, по желанію публики, повторялся много разъ, многія женщины въ ложахъ плакали отъ умиленія.

По окончаніи спектакля, я была поражена дневнымъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; сидя въ театрѣ, я забыла совершенно, что были въ театрѣ днемъ. У Селивановыхъ насъ ожидалъ завтракъ или обѣдъ, не помню хорошо, но только тамъ подавали такія кушанья, которыхъ я раньше ни дома, ни у крестной, ни у кого изъ нашихъ деревенскихъ знакомыхъ не ѣла. Несмотря на зиму, подавали зелень, и мнѣ всѣ эти странныя по виду блюда не понравились, кромѣ сладкаго пирога. У Селивановыхъ намъ было очень весело, мы играли въ разныя игры. Соня все время не разставалась со мной, и мы съ ней съ этого дня всѣ праздники были неразлучны, все время, пока я училась въ Москвѣ. А послѣ, взрослыми, мы уже не встрѣчались; наша жизнь шла разными дорогами, и я знала о моей милой Сонѣ только по слухамъ отъ нашихъ общихъ знакомыхъ и родныхъ. Приѣхавши поздно домой, я нашла отца и мать занятыми укладкой послѣднихъ вещей въ дорогу, такъ какъ всѣ крупныя вещи и покупки были уже уложены въ возокъ. Мать мнѣ сказала, что рано утромъ они уѣзжаютъ домой въ Карцево, несмотря на просьбы крестной остаться еще у ней до конца Святкокъ; отецъ мой почему то вспомнилъ, что 6-го, на Крещенье, онъ долженъ быть дома въ нашей приходской церкви, гдѣ онъ былъ церковнымъ старостой.—Часовъ въ 5 утра разбудили насъ, говоря:—ямщикъ привелъ лошадей и хочетъ запрягать. Къ намъ въ комнату принесли самоваръ. Мать съ отцомъ, помню, пили наскоро чай, одѣлись въ теплыя дорожныя платья, подошли ко мнѣ; я лежала, укутавшись одѣяломъ. Сначала подошелъ отецъ, перекрестилъ и поцѣловалъ меня. Это былъ его послѣдній поцѣлуй. Конечно, тогда ни онъ, ни я не думали, что мы больше уже не увидимся никогда въ этой жизни.

Мать тоже крестила меня, плакала, давала мнѣ разныя наставленія; просила меня быть откровенной во всемъ съ крестной матерью, которая въ ихъ отсутствіи будетъ ихъ мнѣ замѣнять, но я почти не слушала, что она мнѣ говорила. мнѣ было безконечно грустно, что мать и отецъ уѣзжаютъ безъ меня въ мое родное Карцево, къ моей дорогой тетѣ, къ Настѣ, къ нянѣ, однимъ словомъ, туда, гдѣ мнѣ все дорого и мило, а я останусь одна здѣсь съ чужими. Въ передней я слышала голосъ крестной, она встала ихъ проводить, заглянула ко мнѣ и, не сказавши ни слова, ушла.

Я, наплакавшись, уснула. Проснулась уже, когда всѣ встали. За чаемъ Коля замѣтилъ мои заплаканные глаза, началъ подшучивать и декламировать подходящія моему настроенію стихи; я опять расплава-

лась. Крестная на него разсердилась и сказала: „Будеть тебѣ глупости болтать, лучше подумаемъ о дѣлѣ, сегодня надо „нарядиться,“ а то скоро Святки пройдутъ; я послала за Алефтиной, она помѣжетъ намъ устроить маскарадные костюмы. а вечеромъ и сама нарядится съ мужемъ, и они оба поѣдутъ ряженные съ вами. Въ первый день поѣдете къ Зацѣпинымъ, въ Межевой Институтъ (Зацѣпинъ былъ тамъ докторомъ), это отъ насъ самый ближайшій домъ; я пойду туда пораньше и предупрежу старика, я знаю что онъ вамъ будетъ радъ. А потомъ пускай Алефтина возить васъ, куда захочетъ“. Послала крестная Анисью съ письмомъ къ Вѣрѣ Фавстовнѣ, прося ее отпустить съ нами нарядиться Сою и Митю. Ихъ отпустили съ удовольствіемъ и предложили къ вечеру прислать своихъ лошадей для нашего путешествія по городу. Соля привезла себѣ прелестный костюмъ „Красной Шапочки,“ а Митя „Черкеса“. Коля выбралъ себѣ костюмъ волшебника. Меня нарядили въ мундиръ Жени Маркова—кадетомъ, а онъ былъ наряженъ танцовщицей. Горской—„Мефистофелемъ.“ Юркинскій—монахиней. Алефтина Васильевна нарядилась во фракъ и цилиндръ; ей большого труда стоило надѣть мужской костюмъ, Анисья и крестная удивлялись, откуда у нея явился такой большой животъ, а ей осталось только два мѣсяца до рожденія дочери, но почему то и она и ея мужъ ото всѣхъ скрывали это обстоятельство. Вообще Алефтина Васильевна была большая чудачка и мечтательница и, вышедши замужъ, какъ я потомъ узнала, увѣрила всѣхъ, что ея бракъ платоническій и что они съ мужемъ живутъ, какъ братъ и сестра, а не такъ какъ обыкновенные супруги.

Мужъ Алефтины Васильевны, Эргардъ Карловичъ. былъ наряженъ туркомъ. Вечеромъ, часовъ въ 5, мы стали собираться; у всѣхъ насъ были черныя маски, какія надѣваютъ въ маскарадъ. Часовъ въ 6 мы уже были у Зацѣпиныхъ, плясали подъ гармонію. тамъ насъ угощали лакомствами. Самымъ большимъ удовольствіемъ была ѣзда на большихъ саняхъ. смѣху и веселью не было конца. Заѣзжали во многіе дома, совершенно мнѣ незнакомые. Помню въ одномъ домѣ насъ встрѣтили старики супруги; его называла Алефтина Васильевна „генераль,“ онъ былъ въ восторгѣ отъ нашего посѣщенія, самъ игралъ на органѣ и приплясывалъ въ тактъ, а жена его, старушка. закармила насъ сладостями и навязала цѣлые узлы конфетъ. апельсиновъ и грушъ съ собой. Обѣхавши много домовъ, мы добрались до дому Ильи Васильевича, оставили тамъ Сою и Митю, а сами усталые, веселые вернулись домой. Мнѣ постель была приготовлена въ одной комнатѣ съ крестной.

На другой день за мной прѣѣхала Оля Морсочникова и просила отпустить меня къ нимъ до вечера Крещенья съ тѣмъ, что тамъ мнѣ ихъ портниха Оея скроить и сошьеть форменное пансіонское платье, для чего крестная купила синюю шерстяную матерію, а также просила сшить и черный шерстяной передникъ. У Морсочниковыхъ съ Олей мнѣ всегда было хорошо, мы говорили про деревню, она бывала въ Карцевѣ и я у нихъ въ Татарскомъ, она мечтала, что когда я вырасту, то на мнѣ женится ея братъ Митя; вернувшись съ войны, онъ не будетъ больше служить, а станетъ жить въ деревнѣ. Мать ихъ Елизавета Ивановна тоже часто, шутя, называла меня невѣстой. Всѣ эти разговоры и шутки сдѣлали то, что мнѣ было непріятно общество Мити Морсочникова, я чувствовала себя неловко при немъ, совсѣмъ не такъ хорошо и весело, какъ съ милыми товарищами мальчиками у Коли Звягина. Настало утро 5-го Января—сочельникъ. Всѣ Морсочниковы, т. е. барышни и Елизавета Ивановна, были большія постницы, до святой воды не пили чаю. 6-го мы всѣ, молодежь, подъ покровительствомъ Дмитрія Петровича отправились въ Кремль, смотрѣть крестный ходъ на воду. Старику Морсочникову, грудь котораго была украшена разными знаками отличія, съ деревянной подставкой вмѣсто ноги, всегда удавалось получить хорошія мѣста во всѣхъ многолюдныхъ собраніяхъ. Я, конечно, была поражена грандіозной картиной крестнаго хода. Кромѣ множества духовенства, изъ котораго многіе были въ митрахъ, шли войска и множество кадетъ въ однихъ мундирахъ, несмотря на крещенскій морозъ. Послѣ погруженія креста раздалися залпы пушекъ; все это не то, что я видѣла раньше дома, молитвеннаго настроенія, конечно, у меня не было и почему то мнѣ вспомнилась тутъ-же наша маленькая деревенская церковь, нашъ крестный ходъ на крошечную рѣчку подъ сосновымъ лѣсомъ, покрытымъ инеемъ и, несмотря на грохотъ пушекъ и на невиданное мною зрѣлище, мнѣ стало скучно; вспомнилась своя семья,—они всѣ вмѣстѣ, мать съ отцомъ уже дома, рассказываютъ о своей поѣздкѣ въ Москву; а я одна, и все, что меня окружало, было мнѣ чуждо. Вѣроятно усталость навѣяла на меня такое пессимистическое настроеніе, такъ какъ мы простояли здѣсь около 4-хъ часовъ. Послѣ обѣда за мной прѣѣхала крестная. Мое форменное платье было готово, въ шитьѣ его почти всѣ принимали участіе, особенно хлопотала моя добрая красавица Варенька, старшая дочь Морсочниковыхъ. мы дѣти-подростки относились къ ней съ уваженіемъ и звали ее Варварой Дмитріевной. Послѣ чаю мы уѣхали домой. Коля и его товарищи только что откуда то вернулись и мнѣ, при видѣ ихъ, сразу стало хорошо и весело; стали въ послѣдній крещенскій вечеръ гадать, потомъ играли въ карты. Крестная рано приказала

подать ужинъ, такъ какъ всѣмъ на утро приходилось рано вставать и приниматься за занятія.

Утромъ, напившись со свѣчами чаю. меня нарядили въ форменное платье и передникъ. Этотъ нарядъ мнѣ очень понравился и въ началѣ 9-го крестная повезла меня въ пансіонъ „Дельсаль“, находившійся въ Посольскомъ переулкѣ, Нѣмецкой улицы, недалеко отъ Старо-Басманной улицы и дома Звягиныхъ.

Опредѣленіе мое въ пансіонъ уже было сдѣлано раньше моей матерью совмѣстно съ крестной. была уже внесена за меня плата 200 руб. серебромъ, какъ тогда говорили, или 700 рублей ассигнаціями. Кромѣ того требовалось 25 руб. на постель, т. е. на кровать, матрацъ и подушки, постельное бѣлье; 6 простынь и 6 наволокъ, тоже были переданы раньше, за нихъ, кажется, тоже уплатили деньги. Каждая пансіонерка, кромѣ этого, должна была привезти съ собой столовую и чайную ложку, чайную чашку и стаканъ. Эти вещи по выходѣ дѣвочки изъ пансіона намъ не выдавались и мы тамъ ими не пользовались, намъ къ столу никогда не подавали нашихъ серебряныхъ ложекъ; мы ѣли какими то противными старыми оловянными ложками, также и чайныя чашки намъ давали не тѣ, которыя привозились съ собой. Домъ г-жи Дельсаль находился во дворѣ, былъ очень большой, старый, деревянный, имѣлъ очень мрачный видъ, по бокамъ его находились два небольшихъ флигеля болѣе новые и привлекательные, чѣмъ огромный старый домъ. Въ одномъ флигелѣ жила сама Марія Игнатьевна Дельсаль, пожилая дѣвица: а въ другомъ жила ея сестра Павла Игнатьевна, очень на мои глаза старая, сѣдая, она незадолго до моего поступленія вышла замужъ за совѣтъ юнаго учителя Русскаго языка Перепелкина. Насъ съ крестной въ прихожей встрѣтилъ швейцаръ и лакей вмѣстѣ, высокій, неуклюжій и довольно грязно одѣтый. Узнавши, что привели новенькую, пошелъ объ этомъ доложить начальницѣ и скоро вернувшись провелъ насъ тутъ же изъ прихожей въ небольшую, нарядно убранную комнату, „приемную“, какъ ее называли. Въ креслѣ за письменнымъ столомъ сидѣла Марія Игнатьевна Дельсаль, очень красивая, статная. высокая женщина съ прекрасными черными ласковыми глазами. Она очень любезно поздоровалась съ нами, немного поговоривши съ крестной, позвонила и приказала вошедшему слугѣ позвать воспитанницу г-жу Фриде.

Вскорѣ вошла высокая бѣлокурая почти совѣтъ уже взрослая дѣвушка съ яркимъ красивымъ цвѣтомъ лица. Марія Игнатьевна обра-

тилась къ ней со словами: „Вотъ новенькая, Соловова, возьми ее пока подъ свое покровительство и познакомь ее съ наставницами и товарищами и вообще со всѣми нашими порядками.“ Фриде мнѣ улыбнулась, взяла меня за руку и мы пошли въ залу, большую, длинную, мрачную и довольно грязную комнату; множество дѣвочекъ ходили по-парно. другія сидѣли на скамейкахъ: вся зала была уставлена длинными столами въ три ряда. Столы и скамейки были окрашены въ темный цвѣтъ, все было очень старое, запачканное чернилами и изрѣзано перочинными ножами. По всему было видно, что этотъ домъ давнымъ давно не видѣлъ никакого ремонта.

Скоро меня обступили дѣвочки, совсѣмъ затормошили меня своими разпросами: кто я, какъ меня зовутъ, въ какой классъ я поступила и т. д. Слова: „Привели новенькую, живущую!“ слышались во всей залѣ.—Пришли въ залъ крестная съ Маріей Игнатьевной и мы въ сопровожденіи классной дамы, Маріи Ивановны, сухой, высокой, довольно пожилой особы, отправились черезъ коридоръ наверхъ.—тамъ были спальни или, какъ ихъ у насъ называли, „дортуары.“

Комнаты были свѣтлыя, чисто убранныя, заставленныя множествомъ кроватей, по двѣ рядомъ. Въ концѣ комнаты стояла отдѣльно одна кровать для дежурной классной дамы. Мнѣ показали мою кровать и маленькій шкапчикъ-тумбочку, куда я могла убрать взятыя съ собой вещи.

Представили намъ няню нашей спальни, Настасью, очень милую, симпатичную женщину, любимицу всѣхъ дѣтей. Она спросила есть ли со мной чемоданъ или сундукъ, на это крестная ей отвѣтила, что, такъ какъ я каждую субботу буду ходить къ ней въ отпускъ, то со мной въ пансіонѣ кромѣ теплаго платья т. е. шубки, шапки, теплаго платка и постельнаго бѣлья ничего не будетъ. На это няня сказала, что она сейчасъ же пойдетъ въ прихожую и возьметъ все мнѣ принадлежащее наверхъ и уберетъ въ гардеробъ. Крестная сунула что-то нянѣ въ руку, прося заботиться обо мнѣ. „Не беспокойтесь, барыня, барышнѣ у насъ будетъ хорошо, мы объ нихъ заботимся какъ о своихъ дѣтяхъ.“ Я, проводивши, крестную осталась одна съ дѣтьми, мнѣ было очень и очень жутко.

Кто-то изъ дѣвочекъ повелъ меня показывать классы. Это были такія же мрачныя, скучныя, грязноватыя комнаты, какъ и зала: тамъ стояло множество столовъ-партъ, каждая для двухъ. Каждая парта

имѣла два ящика для книгъ и тетрадей съ отдѣльнымъ ключемъ. Это мнѣ понравилось. Въ этотъ день уроковъ не было, такъ какъ учителя не пришли и намъ въ залѣ дежурная классная дама читала что-то по французски, часто останавливаясь, и по очереди спрашивала у дѣтей о прочитанномъ.— Часа въ 2 насъ позвали обѣдать. Мы шли попарно; дежурная дѣвочка прочитала молитву, сѣли за столы. За нашимъ столомъ разливала супъ Павла Игнатъевна, сѣдая старушенка въ уборѣ съ голубыми лентами и свѣтло-голубомъ капотѣ. Подъ названіемъ супа намъ дали совсѣмъ жиденькій клюквенный кисель, въ которомъ плавали сухія корки лимона. Никто почти этого блюда не ѣлъ и прислуга ставила большія чашки, въ которыя сливали этотъ взваръ; вторымъ блюдомъ была чечевица, довольно густо сваренная и приправленная лукомъ и мелко нарѣзаннымъ ветчиннымъ саломъ, третье блюдо каша съ плохимъ масломъ или саломъ, не знаю.

Вообще кормили насъ отвратительно и, хотя въ то время никто никакого понятія не имѣлъ о „вегетаріанствѣ“, но говядину мы за нашимъ столомъ видали не больше двухъ разъ въ недѣлю. Намъ постоянно давали разные венігреты изъ овощей съ едва замѣтнымъ количествомъ варенаго мяса, но за то, несмотря на зиму, зелень за нашимъ столомъ была въ изобиліи. Намъ часто давали зеленія щи изъ щавеля, квашенаго вѣроятно, такъ какъ кислота щей была невозможная; давали и зеленый соусъ съ гренками чернаго хлѣба, такой же противный и кислый, какъ и щи, давали часто разварную фасоль, тушеную, шинкованную капусту съ ветчиннымъ саломъ и кожей отъ ветчины. Единственный обѣдъ, который мы любили, это былъ въ субботу,—намъ давали по куску пирога изъ булочнаго тѣста съ начинкой риса и жареный картофель съ солеными огурцами и хоть въ этотъ день было не три блюда, но только два, т. е. пирогъ и картофель, за третье считались соленые огурцы, но этотъ обѣдъ былъ съѣдобный, и мы его считали превосходнымъ, вкуснымъ обѣдомъ.

Въ половинѣ 6-го подали намъ чай. Время между обѣдомъ и чаемъ я провела съ дѣвочками товарками по спальнѣ. Чай намъ приносилъ на огромномъ подносѣ нашъ Василій швейцаръ; гдѣ наливали чай—не знаю, подносъ съ налитыми чашками намъ онъ несъ изъ коридора. Василій его держалъ высоко надъ головой. Всѣ дѣвочки (сначала приносили чай для старшихъ) кидались къ подносу, никакія приказанія классныхъ дамъ не дѣйствовали. Прежде чѣмъ подносъ попадалъ на столъ, половина чашекъ уже была разобрана. Чашки всѣ были одинаковыя бѣлыя, очень дешевыя. Куда дѣвали наши собственныя

чашки, которыя мы обязаны были привезти съ собой, не знаю. Чай намъ давали такъ: чашка была наполнена очень и очень жидкимъ мутнымъ чаемъ съ едва замѣтной сладостью отъ сахарнаго песка, на блюдечко подъ каждую чашку налито молоко очень жидкое и около чашки лежалъ кусочекъ булки (розанчикъ разрѣзанный пополамъ). Во время чая шла торговля молокомъ, булками и чаемъ; многія свое молоко мѣняли на чай, что сдѣлала и я, такъ какъ мнѣ было противно пить молоко съ блюдечка, въ которомъ стояла чашка, мнѣ это молоко казалось грязнымъ. Кусочки хлѣба многія дѣвочки, имѣвшія свои запасы въ изобиліи, отдавали непмѣвшимъ этихъ запасовъ за разные услуги, чаще просто по дружбѣ, сожалья тѣхъ, у кого не было своихъ булокъ.

Между чаемъ и ужиномъ готовили уроки или болтали между собою. Особенно было пріятно забраться потихоньку въ неосвѣщенный классъ и тамъ, усѣвшись кучкой, рассказывать другъ другу страшные рассказы о привидѣніяхъ, домовыхъ, колдунахъ и т. д., а, главное, было пріятно поговорить по русски, что очень строго преслѣдовалось. Каждой дѣвочкѣ, уличенной въ разговоръ на русскомъ языкѣ, давался красный жестяной языкъ изъ кармана, такъ продолжалось съ утра до обѣда; за обѣдомъ та несчастная, у которой оказывался языкъ должна была стоять за столомъ и не получала послѣдняго блюда, а вечеромъ тѣ, которыя имѣли билетъ къ ужину, на другой день первый часъ въ классѣ должны сидѣть безъ передника. Мы были такъ наивны, что не понимали того, что подлавливать потихоньку подругъ безнравственно, и всѣ силы употребляли на то, чтобы сбыть у кого былъ языкъ къ обѣду и ужину.—Послѣ ужина, за которымъ намъ давали одно блюдо, кашу или винегретъ, дежурная дѣвочка читала вечернюю молитву и мы, простившись съ начальствомъ, отправлялись наверхъ спать.

Помню, въ эту первую ночь въ пансіонѣ я долго не могла заснуть, мнѣ было очень тоскливо, все кругомъ меня было чужое, и самая обстановка, мрачная и строгая дисциплина, о которой я раньше не имѣла никакого понятія, наводили на меня какой-то тоскливый ужасъ. Мнѣ припомнились рассказы Диккенса, которые мать читала въ Карцевѣ въ длинныя зимніе вечера, гдѣ описывались такія скучныя мрачныя школы и тоскливое состояніе поступившихъ туда дѣтей, и мнѣ казалось, что нашъ пансіонъ именно и есть такая же школа, какъ у Диккенса. Вспомнился и родной домъ и мое милое Карцево со всѣми его дорогими мнѣ обитателями и я, поплакавши, заснула къ утру.

Въ 7 часовъ звонокъ разбудилъ насъ, все засуетилось, закопошилось, няня торопила скорѣе вставать. Ко мнѣ, какъ къ новенькой, няня была очень ласкова и внимательна. Я взяла изъ моего шкафчика свой гребень, полотенце и пошла съ дѣвочками умываться. Расчесавши волосы, дѣвочки предложили мнѣ заплести косы, а я заплетала тѣмъ, которыя заплетали мнѣ. Наконецъ мы всѣ были готовы. Въ 8 часовъ звонокъ призвалъ насъ внизъ. Въ корридорѣ, внизу лѣстницы, насъ ожидали классныя дамы, мы становились по-парно и шли въ залъ. Дежурная читала молитвы. Послѣ этого намъ Василій несъ подносъ съ чаемъ въ томъ же видѣ, какъ и вечеромъ, что сопровождалось такой же шумной атакой, какъ и вечеромъ.—Послѣ чая меня ждала пріятная неожиданность: меня позвали въ пріемную къ Маріѣ Игнатьевнѣ и тамъ я увидала мою милую крестную, съ ней была высокая, сѣдая старуха въ огромномъ чепцѣ и букляхъ, и худенькая, смуглая дѣвочка почти моихъ лѣтъ. Старуха была Сидонія Петровна Григоровичъ, мать Дмитрія Васильевича, а дѣвочка его дочь, которую бабушка почему то взяла изъ Петербурга отъ родителей къ себѣ на воспитаніе и только наканунѣ пріѣхала изъ своего имѣнія и остановилась у Звягиныхъ, своихъ сосѣдей по имѣнію. Рѣшила она уже давно отдать свою внучку въ пансіонъ Дельсаль, который почему то былъ очень популяренъ между старинными помѣщиками. „Вотъ тебѣ и подруга“, сказала крестная поздоровавшись со мной. „ее также какъ и тебя зовутъ Анютой, вы обѣ новички здѣсь, и вамъ вдвоемъ будетъ веселѣе: а теперь идите въ залъ, скоро вѣрно и классы начнутся“. Меня кое-что спросили о томъ, что я учила дома и помѣстили въ первое отдѣленіе третьяго класса. У насъ въ пансіонѣ почему то было три класса, но каждый классъ имѣлъ два отдѣленія, такъ, чтобы окончить полный курсъ, надо было пробыть въ пансіонѣ 6 лѣтъ.

Въ нашемъ классѣ Русскій языкъ и ариѣметику преподавалъ мужъ Павлы Игнатьевны, советѣмъ юный, съ крошечными усиками, въ учительскомъ мундирѣ. Онъ гдѣ то еще давалъ уроки, кажется въ гимназіи. Занимался онъ очень вяло и скучно; во время его уроковъ у насъ дежурила его супруга Павла Игнатьевна, такъ же, какъ и наканунѣ, одѣтая въ голубой капотъ и на головѣ имѣла наколку съ голубыми лентами; вся сѣдая сморщенная, по нашему взгляду она имѣла видъ не только матери, но даже бабушки юнаго нашего учителя Перепелкина. Учителемъ исторіи и географіи у насъ былъ Куцыбо, хохоль; его дочь Настя, хорошенькая кудрявая дѣвочка—лѣтъ уже 15-ти, училась въ пансіонѣ въ одномъ со мной классѣ и одномъ отдѣленіи,

только она была приходящей, а не живущей; мы всё ее очень любили за ее кудрявые бѣлые волосы, имѣвшіе видъ пудренной прически маркизы; это была славная, добрая дѣвочка, часто, почти всегда, выручавшая насъ изъ бѣды съ несчастнымъ жестянымъ языкомъ передъ обѣдомъ, такъ какъ она съ нами не обѣдала. Ей, какъ всѣмъ приходившимъ, приносили обѣдъ изъ дому, и она обѣдала въ классѣ, а тѣ дѣвочки, которыя жили далеко, брали съ собой холодные обѣды, остатками которыхъ мы, живущія, часто угощались. Настя Куцыбо за вырчку насъ съ языкомъ должна была выучивать небольшіе стихи по французски или рассказы, но никогда ничего не учила, премило и ласково извинялась, что у нея не было свободнаго времени и ее всегда прощали. Отецъ ея, нашъ учитель Куцыбо, былъ нашимъ любимцемъ; онъ былъ преподавателемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и преподавалъ по собственнымъ запискамъ (въ старшихъ классахъ). Эти записки литографированныя крестная мать купила мнѣ черезъ Маркова въ кадетскомъ корпусѣ, и что то заплатила за нихъ очень дорого. Классы исторіи и географіи были нашими любимыми. Спрашивалъ онъ насъ рѣдко и только по учебнику, а самъ любилъ рассказывать разные историческіе анекдоты. Помню онъ не любилъ Екатерину Великую и всегда относился къ ней въ своихъ рассказахъ иронически, злобно, помню, говорилъ такъ: „Да великая была, получила титулъ Великой, дай Богъ, что бы вы мои милыя барышни не были похожи на эту Великую Государыню. Вотъ будете постарше, все сами узнаете. Умна она была, очень умна, со всѣми монархами сама вела переписку, со всѣми философами и мыслителями, сама литературой занималась, разныя нѣжныя комедіи пописывала съ пастухами да пастушками. Счастлива была очень, при ней, вы сами знаете, какой полководецъ былъ. Вотъ и Великой стала. Это я вамъ, мои милыя барышни, говорю, а моимъ кадетикамъ этого рассказывать не стану. Имъ этого говорить нельзя. А мнѣ ужъ очень на нее обидно, что нашу Малороссію закрѣпустила, до ней тамъ такихъ крѣпостныхъ, какъ здѣсь, въ вапихъ мѣстахъ, не было. Такъ то, мои дорогія барышни, умъ много значить въ челоуѣкѣ, но сердце дороже ума, и когда вы начнете жить самостоятельной разумной жизнью взрослыхъ людей, живите сердцемъ. Кроткое доброе женское сердце принесетъ больше счастья и радости, чѣмъ большой умъ. Помните, что вамъ это говорилъ старикъ Куцыба, который любить васъ и ждетъ отъ васъ много, много хорошаго.“

Уроки географіи у него мы тоже любили, какъ и уроки исторіи. Во время уроковъ географіи онъ намъ иногда читалъ или рассказывалъ отрывки изъ путешествій, подходящихъ къ тѣмъ мѣстамъ, о ко-

торыхъ мы учили въ нашихъ учебникахъ. Французскимъ языкомъ занималась у насъ сама Марія Игнатьевна, но ее часто замѣняли классныя дамы. Законъ Божій намъ преподавалъ священникъ, довольно пожилой, говорившій съ нами всегда высокимъ славянскимъ языкомъ, надъ чѣмъ дѣвочки часто потѣшались, — такъ, напримѣръ, — въ то время когда я училась, мы писали гусиными очиненными перьями, которыя покупались въ круглыхъ бумажныхъ пакетахъ, мы сами умѣли чинить эти перья или просили нашего учителя чистописанія и, перо много разъ очиненное, становилось корокимъ, и вотъ такое короткое перо и высокую бутылочку съ чернилами на днѣ мы ставили на учительскій столъ, стоящій на возвышеніи. Почему то на урокахъ Закона Божія классныя дамы отсутствовали. Вотъ приходитъ нашъ „батюшка“, читаемъ молитву и онъ садится на свое мѣсто и изрѣкаетъ: „Опять кладезъ глубокой, а черпала подходящаго не имѣется.“ Преподаваніе его было неинтересно, — мы должны были долбитъ наизусть пространный катехизисъ Филарета со всѣми длинными текстами и исторію церкви. Все это заучивалось безъ всякаго объясненія; ни одного слова, кромѣ заданнаго урока, мы отъ нашего батюшки никогда не слышали. Онъ почти всѣхъ ученицъ спрашивалъ, оставались неспрошенными только тѣ, для которыхъ не осталось уже времени во время урока. Баллы онъ ставилъ всегда хорошіе, какъ бы плохо мы урокъ ни знали. Учителемъ нѣмецкаго языка былъ старичекъ нѣмецъ, какъ говорили, родственникъ Дельсаль. Всегда чисто выбритый съ сѣдыми баками, шея всегда была повязана широкимъ бѣлымъ галстукомъ съ большимъ бантомъ, въ рукахъ всегда вертѣлъ золотую табакерку и ярко красный шелковый платокъ. Такъ какъ я по нѣмецки была очень плохо подготовлена, то онъ на меня смотрѣлъ какъ на безнадежную ученицу и рѣдко спрашивалъ.

Два раза въ недѣлю у насъ были танцклассы. Въ эти дни послѣ обѣда столы изъ залы убирались, мы надѣвали бѣлые передники и бѣлые прозрачныя чулки, открытыя башмаки съ переплетами изъ лентъ. Часовъ въ пять являлся учитель танцевъ изъ балета, старичекъ уже, со скрипкой, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ, чисто выбритый. Легкость у него въ танцахъ была замѣчательная; показывая намъ различныя „па“ онъ вертѣлся и прыгалъ какъ резиновый мячикъ. Заставлялъ насъ по долгу стоять въ разныхъ „позиціяхъ,“ которыхъ, помню, было 6, изъ нихъ самая мучительная для меня была 5-ая. — Кромѣ кадрили, полекъ, мазурки и галопа учили разнымъ, какъ ихъ называли, „характернымъ танцамъ,“ такъ напр. „гачуча“ съ кастаньетами, русская пляска въ разныхъ видахъ и

главное требовалось умѣнье дѣлать красиво „реверансы.“ Очень было смѣшно видѣть, какъ нашъ старичекъ во фракѣ дѣлалъ граціозные реверансы, стоя противъ насъ со скрипкой и мы въ тактъ повторяли ихъ за нимъ.—По субботамъ за мной приходила Анисья и я до сихъ поръ помню, какъ меня всегда радовало извѣстіе, которое мнѣ передавала классная дама: „Соловова, собирайтесь, за вами пришли.“ Я бѣжала какъ сумасшедшая, цѣловала Анисью, и въ одну минуту бывала готова. Къ вечеру субботы собирались и всѣ наши товарищи мальчики и нашему веселью не было конца. По воскресеньямъ бывали у Селивановыхъ или Соня съ Мишей бывали у насъ. На вторую недѣлю послѣ моего поступленія я была очень обрадована, когда въ числѣ приходящихъ увидела Соню Жукову, мою милую деревенскую сосѣдку. Я знала, что она учится въ Москвѣ, такъ же, какъ и братъ ея Володя, который учился въ кадетскомъ корпусѣ. Святки они провели въ деревнѣ у себя въ Сарыбевѣ. Зиму они съ матерью жили въ Москвѣ, но на продолжительные праздники всегда уѣзжали въ имѣніе, гдѣ у нихъ жила ихъ тетка Евлампія Ивановна и приказчикъ лакей, фаворитъ Екатерины Васильевны Жуковой. Звали его Павломъ Яковлевичемъ и впоследствии я слышала отъ своихъ стариковъ, что Соня была очень на него похожа. И вотъ съ Соней я наговорилась, и все отъ ней узнала про Карцево. Тетя съ сестрой Настей была у нихъ въ Сарыбевѣ на елкѣ передъ Новымъ годомъ и они были потомъ въ Карцевѣ. Разказывала, что 7-го, передъ ихъ отъѣздомъ въ Москву у нихъ въ Сарыбевѣ были мать моя съ отцомъ и что разказывали о своемъ возвращеніи домой такъ: когда они пріѣхали и вошли въ переднюю тетя Александра Павловна ихъ встрѣтила и не видя меня спросила: „гдѣ же у васъ Нина?“ и, когда мать ей сказала, что меня оставили учиться въ Москвѣ, тетѣ сдѣлалось дурно, всѣ перепугались и мать уже хотѣла меня выписывать обратно; но тетя, оправившись, увѣряла ихъ, что ей было дурно совсѣмъ не отъ того, что я не пріѣхала. а просто она, вѣроятно, угорѣла. Я слушая, всѣ разказы, о тетѣ, Настѣ, Карцевѣ, заплакала, такъ мнѣ стало грустно, что не вижу ихъ. Съ этого дня всѣ свободные часы отъ занятій, пока приходившія были въ пансіонѣ, я проводила съ Соней Жуковой. Мы были въ разныхъ классахъ, она была немного моложе меня и была въ старшемъ отдѣленіи второго класса. Итакъ проходили недѣли за недѣлями, скучныя, однообразныя въ пансіонѣ и веселыя по субботамъ и воскресеньямъ у Звягиныхъ. Все шло такъ до 18 Февраля. Съ 1-го Февраля уже шли тревожные слухи о здоровьѣ Государя и о нашихъ неудачахъ на войнѣ. Писали въ газетахъ, что Государь простудился и что у него гриппъ. Помню, когда я бывала дома у Звягиныхъ никто почти о своихъ

личныхъ дѣлахъ, какъ раньше, не говорилъ, а всѣ полушопотомъ говорили о политическихъ дѣлахъ. Крестная сильно волновалась и часто плакала, всѣ точно ожидали чего-то страшнаго, неожиданнаго и печальнаго. И вотъ, помню, 18-го Февраля, уже поздно вечеромъ мы, живущія, уже остались однѣ въ пансіонѣ, кажется, даже поужинали и собрались на вечернюю молитву, какъ вдругъ къ намъ входитъ Марія Игнатьевна, какъ всегда величественная, красивая, съ какимъ то особенно трагическимъ выраженіемъ лица и говоритъ намъ: „Дѣти, насъ постигло великое несчастье, плачьте, молитесь, нашъ Государь Императоръ Николай Павловичъ скончался сегодня. Сейчасъ получена телеграмма о его кончинѣ.“ Это было сказано такъ патетически, что намъ стало и жутко и страшно и мы всѣ расплакались. Когда прошло немного времени и мы успокоились, Марія Игнатьевна сказала намъ: „Но дѣти, мы въ нашемъ горѣ имѣемъ большое утѣшеніе въ нашемъ Наслѣдникѣ—завтра онъ будетъ Императоромъ. Это ангелъ доброты, и при великомъ умѣ онъ обладаетъ голубиною кротостью. Его уже и теперь всѣ обожаютъ. Будемъ молиться за него, чтобы Господь благословилъ его на престоль и чтобы его царствованіе было счастливымъ для нашего дорогого отечества.“

Послѣ этихъ словъ Марія Игнатьевна простившись съ нами ушла. На утро, 19-го, намъ объявили, что уроковъ не будетъ и насъ распустятъ на цѣлую недѣлю. Часовъ въ 12-ть за мной пришла Анисья, и я очень удивилась, тому, что она знаетъ, что у насъ нѣтъ занятій. Та отвѣтила, что Коля сказалъ, что всѣ учебныя заведенія распущены на недѣлю. Крестная сейчасъ же послала Анисью за мной.—Дома у Звягиныхъ всѣ толковали о кончинѣ Государя. У насъ почему то собралось очень много разныхъ знакомыхъ крестной, всѣмъ хотѣлось подѣлиться съ ней своими впечатлѣніями. Помню, всѣ шопотомъ говорили, что Государь принялъ ядъ, который приказалъ приготовить для себя своему доктору и, когда тотъ отказался исполнить это приказаніе, будто гнѣвно сказалъ: „Я—Государь, и ты обязанъ исполнить мою волю.“ Тогда докторъ принесъ стаканъ съ какимъ то сильнымъ наркотическимъ питьемъ и что Государь, трогательно простившись съ семьей, выпилъ приготовленное питье, заснулъ и больше не проснулся.—Другой рассказъ былъ болѣе фантастическій.—Разсказывали такъ: когда Государь былъ за-границей, то ему очень много говорили о какой то знаменитой прорицательницѣ гадалкѣ. Эти рассказы такъ заинтересовали Николая Павловича, что онъ пожелалъ самъ побывать у нея. Пришедши къ гадалкѣ онъ услышалъ отъ нея такую фразу: „А, Ты пришелъ, я знала, что сегодня будешь у меня, мнѣ это было сказано, и

ждала тебя.—Ты могучъ и силенъ и все время твоего царствованія одной своей волей будешь управлять своимъ царствомъ. Ты вѣдь вѣришь только самому себѣ и никому больше, ни съ кѣмъ не станешь совѣтоваться, все будешь дѣлать по своему. Но, конечно, во время твоего царствованія будутъ и большія ошибки съ твоей стороны, напрасно улыбаешься,—я вѣрно говорю; и за эти то ошибки придется расплачиваться. Конецъ твоего царствованія будетъ несчастенъ. Тебя твое самолюбіе вовлечетъ въ гибельную войну, пережить тебѣ это несчастіе будетъ невыносимо тяжело. Единственнымъ спасеніемъ для Тебя будетъ смерть и вотъ я тебѣ помогу въ этомъ, Ты мнѣ нравишься. Подожди, я сейчасъ вернусь“—и она вышла въ другую комнату, и вернулась оттуда съ перстнемъ въ рукахъ. „Вотъ это у меня давно было приготовлено.“ Въ серединѣ перстня былъ медаліонъ. Гадалка раскрыла его и сказала: „вотъ, когда Ты не въ силахъ будешь больше жить, проглоти то, что здѣсь содержится и смерть придетъ скоро и умрешь спокойно безъ страданій“. Государь взялъ, улыбаясь, перстень, надѣлъ на палецъ и, говорятъ, никогда его не снималъ. А послѣ его кончины нашли перстень, брошеннымъ около кровати съ раскрытымъ, пустымъ медаліономъ. Намъ, дѣтямъ, этотъ разсказъ, подслушанный нами, очень понравился, было и жутко, и страшно, и все таки хотѣлось вѣрить. Крестная страшно была убита смертью Государя, сердилась на всѣ эти легендарные разсказы о его кончинѣ, читала намъ всѣмъ вслухъ описаніе его послѣднихъ минутъ, прощанье съ семьей, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что онъ просилъ наслѣдника остаться съ нимъ одного и долго, больше часа, провелъ съ нимъ наединѣ. Бесѣда ихъ осталась для всѣхъ тайной, а наслѣдникъ вышелъ отъ отца очень разстроенный и въ слезахъ. 19-го Февраля все шло и ѣхало въ Кремль на присягу новому Императору Александру II-му. И мы тоже пошли погулять по направленію Кремля, и вотъ,—прошли мы Покровку, видимъ бѣгутъ назадъ изъ Кремля толпы народа, о чемъ то шумятъ, что то разсказываютъ. И вотъ до насъ, наконецъ, доходятъ сбивчивые разсказы, что во время благовѣста къ присягѣ сорвался одинъ изъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго, прошибъ всѣ этажи, и его паденіемъ убито болѣе 20-ти человекъ. Мы поспѣшили домой, чтобы разсказать эту новость, но тамъ уже все знали раньше нашего прихода.

Тамъ уже сидѣлъ братъ крестной—Василій Васильевичъ, онъ пріѣхалъ къ ней прямо изъ Кремля съ Расцвѣтовымъ Александромъ Павловичемъ. Они разсказывали, что дѣйствительно одинъ изъ большихъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго сорвался и при паде-

ни прорѣзалъ всѣ этажи и народу подѣ колоколомъ погибло около 30-ти человекѣтъ. Разсказывали, что одна женщина съ ребенкомъ на рукахъ попала подѣ самый колоколъ и ей ребенка втиснуло внутрь ея туловища, вообще было много изувѣченныхъ.—Этотъ ужасный случай очень смутилъ толпу народа, всѣ говорили, что это дурное предзнаменованіе: говорили, что во время всеобщей паники въ Кремль пріѣхалъ любимецъ Москвы, знаменитый въ то время докторъ Иноземцевъ и онъ, обратившись къ испуганной толпѣ, сказалъ громкимъ голосомъ: „Да жаль, очень жаль, что безвременно погибли люди, но что дѣлать, видно ихъ уже судьба такая, но за то предзнаменованіе это хорошее, такъ провалятся съ воцареніемъ нашего Государя Александра Николаевича всѣ враги нашего царства и царствованіе это будетъ царствомъ славы, мира и благоденствія въ нашей Матушкѣ Россіи. Да здравствуетъ нашъ молодой Государь на радость и славу! Крикнемъ, дѣтушки, ура!“ Толпа сейчасъ же подхватила это и вся тревога и мрачное предчувствіе недобраго прошло.—Когда всѣ усѣлись за чай, крестная сказала: „Да, великій Николай Павловичъ скончался, а въ нашей семьѣ родился въ тотъ же день маленькій Николай Павловичъ. Брату Павлу Богъ послалъ вчера сына Николая, бѣдная моя Саша страшно измучилась, я очень боялась за нее, да и теперь еще боюсь, братъ хотѣлъ сегодня заѣхать сказать, что съ ней.“ И тутъ же раздался звонокъ, вошелъ Павелъ Васильевичъ съ веселымъ видомъ, ярко румяными щеками съ палкой въ рукахъ, прихрамывая на одну ногу.

Всѣ, конечно, сейчасъ же закидали его вопросами:—ну, что, какъ? онъ отвѣчалъ: „Ничего, все слава Богу, приказали лежать, не шевелиться, не двигаясь, не разговаривая, а мальчишка молодецъ, собирайся, сестра, крестить“.—Я была очень рада, что моя милая, любимая Александра Александровна опять будетъ здоровая, хорошенькая и мнѣ ужасно захотѣлось посмотрѣть на новаго мальчика, ея сыночка. „Конечно, я крестить пріѣду, когда дашь знать, но теперь то береги Сашу, не волнуйте ее ничѣмъ, дай ей полный покой, помни, что она еще и теперь одной ногой въ гробу стоитъ.—Дай Богъ, чтобы этотъ новорожденный крошка былъ для нея радостью и вознаградилъ бы ее за тѣ страданія, которыя она несетъ за старшихъ дѣтей Васю и Сережу. Храни ее Господь, для всѣхъ васъ, вѣдь вы, Павелъ, всѣ безъ нея пропадете.“

Насъ изъ пансіона отпустили по случаю восшествія на престолъ Государя Александра Николаевича на недѣлю, Въ продолженіе этого

времени изъ дома, т. е. изъ Карцева, приходили тревожныя вѣсти. Писала мать отчаянныя письма, что отецъ заболѣлъ, что онъ простудился. Вздвигши въ Зарайскъ, куда онъ возилъ „ратниковъ“, которыхъ было приказано собрать въ самый короткій срокъ, и что обмундировать и отправить ихъ должны были помѣщики на свой собственный счетъ.— Писала мать, что отецъ, какъ пріѣхалъ изъ города, почувствовалъ сильный ознобъ, ничѣмъ не могъ согрѣться, а теперь доктора нашли у него воспаленіе печени. Эти письма меня очень испугали и огорчили: я вспомнила, что у отца было уже разъ такое воспаленіе, и какая тогда паника была у насъ въ домѣ и какъ всѣ боялись за его жизнь. Числа 22-го или 23-го, желая меня развлечь и зная мою любовь къ Александрѣ Александровнѣ, крестная, поѣхавши навѣстить ее, взяла меня съ собой. Помню, мы, согрѣвшись, прошли въ спальню. Тамъ былъ полусвѣтъ, окна всѣ завѣшены. Александра Александровна блѣдная въ бѣлой кофточкѣ лежала въ постели и показалась мнѣ очень хорошенькой съ своими прекрасными ласковыми глазами и чудными черными волосами, разметавшимися по подушкѣ. Она очень обрадовалась крестной и приласкала меня. Скоро у нихъ съ крестной завязался какой-то интимный разговоръ въ полголоса; раньше крестная объяснила, что отецъ мой боленъ и что я очень горюю о своихъ и вотъ, чтобы меня утѣшить немного, повезла меня посмотрѣть новорожденнаго, на что Александра Александровна отвѣтила: „очень хорошо сдѣлала, что привезла Ниночку, эта дѣвочка моя симпатія; ну поди, душка, посмотри моего Колю“, и она указала мнѣ на маленькую плетеную колясочку съ зеленымъ верхомъ. Я въ одну секунду очутилась около нея и увидѣла лежащаго краснаго, крошечнаго ребеночка спеленутаго въ бѣленькую простынку и вязаный широкій „свивальникъ“.

Прежде дѣтей очень туго пеленали, такъ что ребенокъ никакъ не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой. Малютка Коля не спалъ, а смотрѣлъ прелестными сине-голубыми глазками, личико было крошечное красенькое. Мнѣ онъ очень понравился и я спросила позволенія поцѣловать Колю, на что Александра Александровна, улыбаясь, дала свое согласіе и я поцѣловала его въ тепленькую щечку, похожую на пушистый персикъ.—Посидѣвши немного, крестная собралась уѣзжать и несмотря на просьбы хозяйки не осталась, сказавши, что боится ее утомить. Оттуда мы заѣхали къ Марьѣ Дмитриевнѣ, гдѣ шли полные сборы къ отъѣзду въ деревню, всѣ суетились, укладывались, дѣти бѣгали тутъ же около бауловъ и сундуковъ. Всѣ дѣти Маріи Дмитриевны были прехорошенькія; здѣсь съ ними были три мальчика: Володя, Митя и крошка Леля, прехорошенькій мальчуганъ съ умными плутовскими

глазенками и съ массой густыхъ, волнистыхъ черныхъ волосъ. Въ мѣшечкѣ крестной, которой она всегда носила на рукѣ (ихъ тогда всѣ имѣли, и назывались они „ридикуль“), оказалось много гостинцевъ, и она начала ими одѣлять дѣтей. Вскорѣ мы усѣлись за чайный столъ.—Марія Дмитріевна всегда сама разливала чай; на столъ поставили разныхъ булокъ, печеній, сладостей. Всѣ почему-то суетились и прислуга и дѣти. Наконецъ, успокоились и принялись за чай.—Крестная сказала: „Я съ Анютой сейчасъ была у Саши, бѣдняжка плохо поправляется.“—„Ну, а малютку, какъ ты нашла?“—спросила Марія Дмитріевна. „Мальчикъ ничего славный, здоровый, дай Богъ, чтобы онъ имъ былъ на радость, а не на горе“.—„Ты замѣтила, продолжала Марія Дмитріевна, какъ маленькій Коля похожъ на Селивановыхъ „Николаевичей“, а съ нашими Селивановыми „Васильевичами“ онъ совсѣмъ не схожъ?“—„Какія пустяки тебя занимаютъ!—съ досадою, какъ мнѣ показалось, сказала крестная. Можно-ли разобрать сходство въ такомъ крошечномъ ребенкѣ, это пока кусокъ мяса, и больше ничего“.—Я хотя и не смѣла вступить въ ихъ разговоръ, но мнѣ казалось, что крестная говоритъ неправду и что крошечный Коля совсѣмъ не былъ кусочкомъ мяса, у меня осталось самое прекрасное впечатлѣніе о новорожденномъ. Эти чудесные синіе глазки, милое личико, все это было прелестно и не имѣло ничего общаго съ „кусочкомъ мяса“.

„Да—продолжала крестная—счастливъ Павелъ, что у него такое сокровище жена, какъ Саша, вѣдь я знаю его, никто не сумѣлъ бы съ нимъ ладить, какъ она. Да, что говорить, весь домъ ею держится, вездѣ ея забота и ея умъ и сердце управляютъ. Спаси ее Господи, безъ ней и мужъ и дѣти пропадутъ“.—„Ахъ, какая счастливая Саша, какъ ты ее любишь. Я и тебя люблю не меньше, чѣмъ Сашу; но тебя люблю, какъ милаго добраго прелестнаго ребенка,—не обижайся, ты такой останешься всю жизнь,—который обожаетъ своего мужа и дѣтей; и ты не меньше нужна Васѣ, чѣмъ Саша Павлу. Васѣ такая жена нужна, ты свѣтъ и радость его жизни; но какъ Павелъ пропадетъ безъ Саши, такъ и ты пропадешь безъ Васи. Храни васъ Господь, вотъ у васъ какіе молодцы растутъ, выростите ихъ, а тамъ, да будетъ Его святая воля, и на покой можно“.—„А меня вотъ беспокоитъ здоровье Кузьмы Ивановича, серьезно онъ боленъ и бѣда, если что случится, Людмила съ ума сойдетъ, да и состояніе то у нихъ небольшое, и они живутъ покойно и въ довольствѣ, только благодаря его неустанному труду въ хозяйствѣ, вѣдь онъ цѣлые дни вездѣ хлопочетъ самъ“.

„Ну, Анюта, поѣдемъ, намъ пора и домой, хотѣла и къ Ильѣ заѣхать, да, ужъ, поздно, заболталась я у Васѣ съ Сашей. Ну, прощай

моя дорогая, дай Богъ благополучно доѣхать съ дѣтьми до Любова; а Васѣ скажи, чтобы заѣхалъ проститься ко мнѣ“. И вотъ, вернувшись домой, я занялась своими уроками и на утро отправилась въ пансіонъ. Такъ по старому шло время до конца Февраля. Но всѣ, даже мы, дѣвочки подростки, были заняты разговорами о кончинѣ Императора Николая и о воцареніи новаго Государя Александра Николаевича, о добротѣ котораго всѣ говорили и надѣялись на скорое прекращеніе войны.

Не помню, въ самыхъ послѣднихъ часахъ Февраля, кажется 27-го зимой въ будни пришла Анисья, о чемъ объявила мнѣ наша классная дама, и что меня зовутъ зачѣмъ то домой. Я, помню, очень испугалась, пошла къ Маріи Игнатьевнѣ спрашиваться, та отнеслась ко мнѣ очень ласково и даже нѣжно и отпустила въ отпускъ, говоря, что могу пробыть у крестной, сколько та найдетъ нужнымъ. Я ничего не спросила у Анисьи, мнѣ было страшно спросить, и она со слезами на глазахъ молчала. Я знала, что меня ждетъ какое то ужасное извѣстіе, я боялась его, мнѣ было страшно. Пришла къ Звягинымъ, раздѣлась, крестная взяла меня за руку и повела въ комнату Николая Ипполитовича, гдѣ мы жили у ней, пріѣхавши въ Москву.—Тамъ у образной кіоты горѣла лампада; обратившись ко мнѣ, крестная сказала: „Помолись, моя родная, дорогая Анюта, за отца, онъ скончался 25 Февраля“. Я истерически расплакалась; но крестная довольно строго мнѣ сказала: „Перестань, Анюта, стыдно, грѣхъ такъ плакать, помни, ты теперь старшая въ домѣ—тетя стара, слаба, а о матери и говорить нечего, она въ такомъ горѣ, что за ней вамъ ходить надо. Успокойся, помолись, а потомъ и поплачь тихонько. Я тебѣ прочту письмо Александры Павловны“.—Тетя писала, что отецъ на ихъ глаза сталъ поправляться, т. е. у него спалъ жаръ, и онъ попросилъ, что бы его обложили подушками, посадили на постели и тутъ онъ тихо скончался. Мать совершенно обезумѣла отъ горя и ихъ (т. е. мать безъ памяти, Настю и тетю), Алексѣевы, дальніе родственники наши, со стороны бабушки Анны Ѳоминичны Колиминой, отправили всѣхъ троихъ, а также гувернанку нашу Пелагею Алексѣевну и няню къ себѣ въ Зарайскъ, распорядились и похоронами. Я помню, что меня очень и очень огорчило, что отца никто изъ семьи не проводилъ до могилы. Это мое горе вполнѣ раздѣляла и крестная и очень осуждала Алексѣевыхъ, что они не оставили обезумѣвшихъ отъ горя моихъ родныхъ въ Карцевѣ до конца похоронъ.

Думая о кончинѣ отца, я никакъ не могла себѣ представить Карцева безъ него. Я недѣлю провела у крестной, она каждый день посы-

лала въ пансіонъ за уроками, а мнѣ шили траурное платье. На другой день утромъ часовъ въ 10 мы услышали звонокъ, Анисья и ея сестры почему то близко не было, и я пошла отворить дверь... Оказалось пришелъ Эргардъ Карловичъ, мужъ Алефтины Васильевны, какой то странный, блѣдный и, только что прошелъ въ залъ, ему сдѣлалось дурно, онъ едва дошелъ до стула. Я побѣжала сказать объ этомъ крестной, та тоже встревожилась и пошла къ нему. Когда Эргардъ Карловичъ успокоился, то сконфуженный, едва выговаривая слова, сообщилъ намъ новость: „Вотъ я именно пришелъ сказать, надо вамъ крестить, у насъ родилась дочь Анна“. „Вотъ тебѣ разъ,—сказала крестная,—это уже сюрпризъ настоящій. Ничего подобнаго я не ожидала. Эта Алефтина, вѣчная чудачка, затягивалась, наряжалась, какъ дѣвочка, мучила и себя, и ребенка, сама не знаетъ почему и зачѣмъ“. — „Намъ было очень, очень стыдно“,—отвѣчалъ на это Эргардъ Карловичъ. Тогда милая крестная раскохоталась, позвала Анисью и сообщила ей эту новость. Та сказала, что давно подозрѣвала это событіе. Смѣхъ Анисьи и крестной, самый веселый и добродушный, успокоилъ Эргарда Карловича, его принялись поить кофеемъ и кормить завтракомъ. Послѣ завтрака крестная съ нимъ поѣхала къ Алефтинѣ Васильевнѣ съ полными санями разныхъ запасовъ и множествомъ банокъ съ вареньемъ. Новорожденную Анюту мнѣ не пришлось почему то скоро увидѣть. Когда мой трауръ былъ готовъ, я опять ушла въ пансіонъ. По окончаніи Великаго поста и Пасхи, которую очень торжественно мы встрѣчали въ Кремль, у крестной видѣлись съ семьей Ильи Васильевича Селиванова. Морсочниковы стали собираться въ деревню. Моя теть и мать просили крестную отпустить меня съ ними, не дожидаясь каникулъ, такъ какъ и мать и теть очень скучаютъ и желаютъ меня видѣть. Крестная съѣздила въ пансіонъ и устроила мой отпускъ. И къ концу Апрѣля я была уже дома, въ моемъ миломъ Карцевѣ. На этотъ разъ прїездъ въ Карцево былъ для меня печалень. Но за два мѣсяца въ Москвѣ, успѣла уже смириться съ мыслью, что отецъ скончался, и его больше нѣтъ съ нами.

Здѣсь же въ Карцевѣ, все было полно воспоминанія о немъ. Насъ встрѣтили мать, теть, Настя, Пелагея Алексѣевна, няня и вся прислуга въ черномъ. Мать и Настя особенно мнѣ показались жалкими несчастными въ своихъ черныхъ суконныхъ платьяхъ. Мать обняла меня съ истерическимъ плачемъ, который на меня наводилъ ужасъ. Утѣшать ее пришлось въ то время, когда я не умѣла, и мое собственное маленькое сердечко, проникнутое безконечной скорбью, стремилось къ моей ненаглядной теть. Она тоже тутъ, около насъ, тихо плакала,

Стараясь не показывать своихъ слезъ. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе обнять ее, расцѣловать и услышать отъ ней тѣ ласковыя словечки, которые она одна умѣла сказать мнѣ. Наконецъ всѣ немного успокоились, усѣлись за чай. Стали насъ спрашивать о разныхъ политическихъ новостяхъ и кончинѣ Государя, о тяжелыхъ событіяхъ въ Крыму, о геройской защитѣ Севастополя и т. д. Послѣ чая я побѣжала съ Настей въ садъ. Какъ хорошо было въ немъ! вѣроятно, его только что убрали послѣ зимы. Яркая молодая зеленая травка пробивалась вездѣ. Деревья начали зеленѣть, и были покрыты какъ бы легкимъ прозрачнымъ газомъ. Молодость взяла свое и стало хорошо и радостно въ моемъ старомъ саду. Впрочемъ природа, дѣйствительно, наша нѣжная мать. Даже теперь меня старуху она умѣетъ приласкать и успокоить. Чувство любви къ природѣ даетъ много отраднхъ минутъ въ жизни.—Тутъ же въ саду я повидалась съ моимъ другомъ, садовникомъ Виссаріономъ. Онъ показалъ мнѣ парники, сказалъ, что посѣялъ для меня мои любимыя цвѣточки и тутъ же предложилъ намъ сходить за ножами и выбрать съ нимъ спаржу „къ завтрашнему столу“, какъ онъ выражался. Мы, конечно, не заставили себя ждать и въ минуту сбѣгали за ножами. Виссаріонъ поднималъ вилами навозъ, подъ которыми вылѣзали изъ земли бѣленькіе, нѣжные, сочныя стволіки спаржи. Вечеромъ, оставшись вдвоемъ съ тетей въ нашей комнаткѣ, я кинулась обнимать и цѣловать ее, и мы опять съ ней вмѣстѣ поплакали. Она, по моей просьбѣ, рассказала мнѣ подробно о болѣзни и кончинѣ отца.—Потомъ я начала ей рассказывать про мое пребываніе въ Москвѣ, про новыхъ моихъ знакомыхъ и друзейхъ, о томъ, какъ я въ Москвѣ еще больше полюбила крестную и Колю, и какъ мнѣ хорошо жилось у нихъ. И мы съ ней проговорили до свѣта и въ концѣ нашей болтовни она разбранила себя: „Вотъ на старости лѣтъ какъ заболталась, совсѣмъ забыла, что ты. моя дѣточка, только что пріѣхала, устала, тебѣ покой нуженъ, а не разговоры, ну, давай спать скорѣй, ужъ день бѣлый на дворѣ“.—Морсочниковы пробыли у насъ дня два, уѣхали на Татарское. И я опять вошла во всѣ наши деревенскіе интересы, мы также ходили сначала въ лѣсъ за цвѣтами, потомъ за грибами и ягодами. Но дома было уже не то, что прежде. Мать постоянно плакала, часто съ ней бывали истерическіе припадки, сопровождаемые судорогами. Потомъ она желала, чтобы мы, особенно я, какъ старшая, чаще была съ ней, относилась бы къ ней также просто и ласково, какъ къ тетѣ и даже кормилицѣ, которой я всегда бывала очень рада, когда она приходила изъ Борислова. Мать какъ будто ревновала насъ и меня въ особенности къ моимъ любимцамъ и, помню, разъ какъ то сказала, когда увидала меня, сидящей около тети и

положившей голову на ея колѣни: „Ахъ Нина, Нина, отчего ты никогда такъ не приляжешь и не приласкаешь меня, какъ тетю?“ Я ей отвѣтила, какъ теперь помню, очень жестоко: „Я къ вамъ не привыкла, вѣдь вы съ нами не бывали и не ласкали, когда мы были маленькія“. Эти мои глупыя слова страшно обидѣли и огорчили мать. Она съ плачемъ сказала такъ: „Да я сама во всемъ виновата, пока былъ живъ вашъ отецъ, мнѣ никто не былъ нуженъ и я всѣхъ забыла для него“. Тетя на меня разсердилась, отодвинулась, сказавши тихонько (мать плохо слышала, у нея была небольшая глухота съ горячки, которую она перенесла задолго до своего брака).—„Не ожидала я отъ тебя, Нина, чтобы ты такъ безсердечно и сказала такія слова безъ того убитой горемъ матери“.—Мнѣ было стыдно и жаль мать, но быть съ нею, такъ же простою, ласковою, какъ съ тетей, я рѣшительно была не въ силахъ. Потеря отца была замѣтна во всемъ. Хозяйство полевое шло плохо. Отецъ всюду и вездѣ бывалъ самъ. Нашего приказчика Федора Ильича, брата нашей няни, какъ я уже говорила раньше, народъ плохо слушался, жаловаться матери онъ боялся, чтобы не разстроить ее еще больше. Онъ часто о своихъ хозяйственныхъ неудачахъ совѣтовался съ тетей, но она въ этомъ дѣлѣ ничего не понимала и только просила его „не беспокоить и не тревожить Людиньку“, какъ она называла мать.

Да и одному Федору Ильичу и нельзя было за всѣмъ усмотрѣть, такъ какъ работы шли не въ одномъ мѣстѣ, а и въ Карцевѣ, и въ Подосинкахъ и Борисловѣ, а помощниковъ себѣ хорошихъ онъ какъ то не находилъ. Вскорѣ послѣ Успеньева дни къ намъ пріѣхала изъ Гремячева крестная съ Колей и, пробывши недолго у насъ въ Карцевѣ, захватила меня и мы всѣ отправились въ Москву. Въ нашемъ пансіонѣ были какія то передѣлки и занятія еще не начинались. Илья Васильевичъ Селивановъ, пріѣхавши навѣстить крестную, сказалъ, что пока живетъ въ Москвѣ одинъ, а Вѣра Фавстовна и дѣти въ деревнѣ. Это ихъ имѣніе, что-то въ родѣ дачи, находилось недалеко отъ Москвы по Николаевской желѣзной дорогѣ, недавно только оконченной. Илья Васильевичъ просилъ крестную отпустить насъ, т. е. меня и Колю къ нимъ въ деревню, говоря, что дѣти и Вѣра Фавстовна будутъ намъ очень рады, на что крестная согласилась съ большимъ удовольствіемъ, говоря, что ей давно хотѣлось, чтобы мы проѣхались по желѣзной дорогѣ. И вотъ въ какой то праздникъ въ 20-хъ числахъ Августа насъ отправили на станцію, поѣхали я, Коля, Марковъ. Крестная ни за что не хотѣла насъ отпустить однихъ, и дала намъ провожатую Анисью. Коля за это сердился на мать, говоря, что мы

уже не ребята и въ нянькахъ не нуждаемся, но несмотря на эти указанія, съ нами все таки поѣхала Анисья. Пріѣхали мы на вокзалъ вечеромъ. Коля непременно самъ хотѣлъ брать билеты, на что Анисья согласилась съ большимъ неудовольствіемъ. Наконецъ, послышался звонокъ, мы вышли на платформу; я первый разъ видѣла поѣздъ, освѣщенные окна вагоновъ, фонари, паръ, свистъ локомотива—все это такъ меня поразило и навело на меня такой ужасъ, что я готова была вернуться домой обратно, но мнѣ было стыдно въ этомъ сознаться. Усѣвшись въ вагонъ я осмотрѣлась и немного успокоилась. Пошелъ поѣздъ, какъ мнѣ казалось, очень быстро, это мнѣ понравилось и я совсѣмъ развеселилась. Всѣ мы весело болтали и незамѣтно доѣхали до станціи Подсолнечной, гдѣ насъ ожидали лошади, присланныя за нами; усѣвшись въ коляску, помчались въ имѣніе Ильи Васильевича. Ъхали мы не долго, и скоро показался большой, ярко освѣщенный домъ. На крыльцѣ насъ встрѣтили Соня и Митя; встрѣча была шумная, веселая, радостная. Насъ ждалъ чай и ужинъ, насъ угощала гувернантка Сони; Вѣра Фавстановна была уже въ своей комнатѣ и мы ее въ этотъ вечеръ не видали. Я помѣстилась на ночь съ Соней, а мальчики съ Митей. На утро Вѣра Фавстовна прислала за нами, чтобы мы шли пить чай въ ея комнату. Она всѣхъ насъ приласкала, а мнѣ сказала, что я хотя и загорѣла въ деревнѣ, но это ко мнѣ идетъ и что я стала очень хорошенькая. Раньше мнѣ этого, кажется, никто не говорилъ. Меня это очень сконфузило, я покраснѣла; Коля по обыкновенію закричалъ: „пожаръ!“, отчего я еще больше краснѣла, и чтобы успокоить меня, Коля сказалъ: „Ты, пожалуйста, забудь, что сказала теть, это она сказала, нарочно, чтобы порадовать тебя, а ты все та же, что и раньше была.“ Деревня на меня особеннаго впечатлѣнія не произвела, она была мало похожа на наши родныя мѣста, на Карцево, на Любово, Кошелево, Борки и т. д. Здѣсь все было подстрижено, подвязано, вездѣ песокъ и кирпичъ. Цвѣтникъ тоже мнѣ не очень понравился. Цвѣтовъ мало, всѣ кустики левкоевъ, астръ и другихъ лѣтниковъ разсажаны были рѣдко и привязаны къ палочкамъ очень красивымъ, но это все было не то, что я любила. Домъ былъ большой, имѣлъ совсѣмъ городской видъ. За обѣдомъ намъ подавали тоже не тѣ кушанья, къ которымъ я привыкла; былъ молочный супъ съ зеленью, потомъ подавали разные соусы, салаты; весь обѣдъ состоялъ изъ очень красиво убранныхъ блюдъ, но не особенно сытныхъ; наши мальчики потомъ говорили, что они все равно, какъ будто и не обѣдали. Весь день мы провели очень весело и въ ночь опять уѣхали въ Москву. Меня оставляли погостить до начала занятій, но безъ согласія крестной я не осталась.